

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 13 / 2016

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., к.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию

статей не взимается.

Полиция и суд: история отношений

- Нижник Н.С., Нудненко Л.А.** Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)..... 3
- Ефремова Н.Е.** Реформирование волостного суда в Российской империи по Закону о преобразовании местного суда от 15 июня 1912 г. 10
- Кодинцев А.Я.** Рецензия на монографию: Абдулин Р.С. Судебное управление в Российской Федерации (1917–1990 гг.). Историко-юридическое исследование 17
- Мурашкин И.Ю.** Генезис особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам 23
- Почкаев Р.Ю.** Судебная система Российской империи в эпоху реформ: региональный аспект. Рецензия на монографию: Воропанов В.А. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана) 28

Масса, власть, закон

- Исаев И.А.** Масса и правовая идеология 33
- Хабиров Р.Ф.** Ретроспектива концептуализации политико-правовых взглядов отрицания государственного суверенитета в западной традиции ... 39
- Семикашев Р.Ю.** Формирование современной теории происхождения государства 46
- Шпаковский В.О., Тимошина С.А.** Советские газеты о США в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период 50

Право и хозяйство: этапы истории

- Мухаметзянова А.М.** Генезис института самовольной постройки в дореволюционном, советском законодательстве и влияние на него судебной практики 54
- Леликова Ю.В., Погодина И.В.** Транспортное налогообложение в России за последние 100 лет (1917–2017) 60

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 15.06.2016.

Номер вышел в свет 28.07.2016.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс: Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492.

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных Российской системы
индекса научного цитирования (РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов
без письменного разрешения авторов статей
или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной
комиссией Министерства образования
и науки Российской Федерации для публикации
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 13 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences, professor;
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences, professor;
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences, candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Police and Court: Relations History

Nizhnik N.S., Nudnenko L.A. State and Law: Evolution, Modern Condition, Development Prospects (towards the 300th Anniversary of Russian Police).....3

Efremova N.E. Reforming of Volost Court in the Russian Empire under Law on Local Court Reorganization, dated June 15, 1912.....10

Kodintsev A.Ya. Review of Monograph: Abdulin R.S. Court Administration in the Russian Federation (1917–1990). Historical Legal Research.....17

Murashkin I.Yu. Genesis of Special Procedure of Judicial Trial on Criminal Cases.....23

Pochekaev R.Yu. Judicial System of the Russian Empire in the Reforms Era: Regional Aspect. Review of Monograph: Voropanov V.A. Court and Justice in the Russian Empire Province in the Second Half of the 18th Century (as Exemplified by Areas of Volga Region, Ural, Western Siberia, and Kazakhstan)28

Mass, Power, Law

Isaev I.A. Mass and Legal Ideology.....33

Khabirov R.F. Political Legal Views Conceptualization Retrospective in Respect of State Sovereignty Negation in Western Tradition39

Semikashev R.Yu. Formation of Modern Theory of State Origin46

Shpakovskiy V.O., Timoshina S.A. Soviet Papers on the United States of America in Great Patriotic War Years and Post-War Period.....50

Law and Economy: History Stages

Mukhametzhanova L.M. Genesis of Institute of Unauthorized Construction in Pre-Revolutionary, Soviet Legislation and Influence of Judicial Practice on It.....54

Lelikova Yu.V., Pogodina I.V. Transport Taxation in Russia for the Last One Hundred Years (1917–2017).....60

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamiyanskaya Emb., Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88 (multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 15.06.2016
Issue was published 28.07.2016

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription: Rospechat — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492.
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without prior written permission of authors or the Editorial Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)

*Нижник Надежда Степановна,
начальник кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор
n.nishnik@bk.ru*

*Нудненко Лидия Алексеевна,
профессор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшей
профессиональной школы Российской Федерации
nudnenko@rambler.ru*

State and Law: Evolution, Modern Condition, Development Prospects (towards the 300th Anniversary of Russian Police)

*Nizhnik Nadezhda S.,
Head of the Department of Theory of State and Law
of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor*

*Nudnenko Lidiya A.,
Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of the Higher Professional School of the Russian Federation*

28–29 апреля 2016 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась международная научно-теоретическая конференция «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)». Научные конференции, посвященные актуальным вопросам теории и истории государства и права, в СПб У МВД России проводятся в тринадцатый раз [1; 2]. В 2016–2018 гг. научные собрания приурочены к 300-летию российской полиции, официальный отсчет истории которой в России был начат в 1718 г.

Круг вопросов, поставленных для обсуждения на конференции, был широк. Основными среди них стали следующие: особенности источниковой базы исследования истории правоохранительных органов России; основные этапы становления

и развития правоохранительной системы Российского государства; особенности организации и деятельности правоохранительных органов в регионах Российского государства; нормативные основания осуществления правоохранительной деятельности на разных исторических этапах Российского государства; проблемы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов; эволюция образа сотрудника полиции в общественном сознании.

Конференция работала в течение двух дней. 29 апреля к обсуждению научных проблем известными учеными присоединились молодые исследователи — слушатели, курсанты и студенты. Участниками конференции в Санкт-Петербургском университете МВД России стали более 400 ученых и молодых исследователей.

Приветственным словом к участникам конференции научный форум открыл начальник Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук, профессор генерал-лейтенант полиции **В.А. Кудин**, который обратил внимание на значимость научных исследований для преобразования правовой действительности в современной России и сообщил, что доклады и выступления участников научного форума получили отражение в четырех томах материалов конференции, изданных под редакцией профессора Н.С. Нижник [3; 4].

Организатор конференции, начальник кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор **Н.С. Нижник** отметила, что вопросы, поставленные для обсуждения на конференции, получили отклик в 253 работах ученых [3] и 281 работе молодых исследователей [4]. В конференции приняли участие ученые и практикующие юристы России, Казахстана, Украины, Беларуси, Кыргызстана, Молдовы, Франции. Широка география российских участников конференции — представителей 37 городов Российской Федерации.

Поставленные для обсуждения на конференции вопросы, посвященные правоохранительной системе государства, месту полиции в государственном механизме, и сегодня актуальны и востребованы в связи с продолжающимся реформированием правоохранительной системы, подчеркнул организатор конференции начальник кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент **А.А. Удальцов**.

В рамках обсуждения вопросов, характеризующих основные этапы становления и развития правоохранительной системы Российского государства, на пленарном и секционных заседаниях были представлены различные подходы к исследованию полицейско-правовой теории и ретроспективному анализу эволюции правоохранительных органов России.

Характеризуя основные этапы развития полицейско-правовой теории, доктор юридических наук, профессор **Н.С. Нижник** отметила, что осмысление проблем управления государством и конкретных вопросов, касающихся отношений между органами власти и обществом, способствовали обогащению знаний в этой сфере и возникнове-

нию науки полицейского права. Российская полицистика, к середине XIX в. представлявшая собой самостоятельную национальную юридическую науку, является важной страницей истории отечественной мысли о праве и государстве. Теоретическое наследие российских полицейистов до настоящего времени сохраняет способность обогащать теоретическую юриспруденцию и способствовать поиску оптимальных решений современных проблем. Опыт осмысления закономерностей развития отечественного государства и проблем правового регулирования общественных отношений в сфере государственного управления, накопленный такими российскими мыслителями, как Ю. Крижанич, И.Т. Посошков, П.Н. Гуляев, Н.Ф. Рождественский, И.В. Платонов, И.Е. Андреевский, В.Н. Лешков, М.М. Шпилевский, И.Т. Тарасов, В.В. Ивановский, П.Н. Шеймин, Э.Н. Берендтс, В.Ф. Дерюжинский, Н.Н. Белявский, А.И. Елистратов и др., — это тот научный потенциал, который может способствовать определению ориентиров государственно-правового развития современной России, выявлению перспективных направлений развития юридической науки и практики, утверждению приоритета прав личности и признанию их ведущей роли в модернизации правовой системы современного государства, подчеркнула Н.С. Нижник.

Анализируя место охраны общественно-го порядка в системе институтов российской имперской государственности, профессор кафедры источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук **Д.И. Раскин** отметил, что охрана общественного порядка — одна из древнейших и важнейших функций государства. Однако централизованное управление осуществлением этой функции должностными лицами и учреждениями на местах далеко не сразу вошло в систему центральных учреждений России. Процесс включения этого управления в систему центрального отраслевого управления, по мнению Д.И. Раскина, совпал с процессом становления и дальнейшего развития «регулярного государства», созданного Петром I. Соглашаясь с исследователями, называвшими Российскую империю полицейским государством, Д.И. Раскин отметил, что это было полицейское государство с отсутствующим центральным органом управле-

ния полицией. Ведь среди учрежденных при Петре I и его наследниках коллегий места коллегии, которая бы ведала полицией (или — в более широком смысле — внутренними делами), не нашлось. Характерной особенностью России Д.И. Раскин назвал отделение полиции как органа охраны общественного порядка от политического сыска, подчеркнув важную роль в охране общественного порядка, созданного в 1802 г. МВД и особое значение в организации охраны общественного порядка личности министра внутренних дел.

Роль первого главы Министерства полиции России А.Д. Балашова в истории отечественной правоохранительной системы охарактеризовал профессор кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук, доцент **П.Д. Николаенко**. Он подчеркнул, что история Министерства полиции была непродолжительной (Министерство просуществовало в Российской империи с 1811 г. по 1819 г.), однако именно она позволила уточнить организационные основы охраны общественного порядка в России и определить основные направления деятельности Министерства внутренних дел.

Особенности российской государственности, специфику нормативного закрепления основ государственного строя и его охраны в первой четверти XIX в. охарактеризовал старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, кандидат исторических наук **М.М. Сафонов**. Особое внимание он обратил на проблемы подготовки конституционных актов в России, в частности Уставной грамоты Российской империи. Проект этого документа был подготовлен, но опубликован не был. Историки по-разному толкуют это важное обстоятельство. М.М. Сафонов связывает его с польской политикой Александра I и подчеркивает, что император намеревался восстановить уничтоженную в ходе разделов XVIII в. Речь Посполитую и тем самым создать на границе России мощный форпост против западных государств. Намерения Александра I, по мнению М.М. Сафонова, вызвали сопротивление дворянства и генералитета, оказали серьезное влияние на активизацию декабристкой конспирации, радикализацию ее планов и способствовали появлению царевбийственных проектов.

Профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), доктор исторических наук, профессор **В.В. Керов** обратил внимание на наличие в полиции и органах государственной власти Российской империи XIX в. коррупции. Опираясь на архивные материалы, В.В. Керов охарактеризовал использование коррупции старообрядцами для противодействия репрессивным мерам государственной политики по отношению к староверию, а также для сохранения и усиления общин старообрядцев. Профессор пришел к выводу о медиативном характере такой системы защитной коррупции, которая смягчала отрицательные стороны государственной политики и гарантировала дальнейшее развитие старообрядческого сообщества и старообрядческого предпринимательства. Коррупция, использовавшаяся старообрядцами, по мнению В.В. Керова, хотя и выводила значительные средства из хозяйственного оборота, не тормозила экономическое развитие и, наоборот, способствовала ему. Без староверческого предпринимательства и его коррупционных действий, подчеркнул профессор, старообрядчество наверняка бы не исчезло, но сыграло бы гораздо менее значительную роль в нашей истории. Прежде всего, этого не допустили бы российские власти, светские и духовные, но не допустили бы лишь в том случае, если бы законы и предписания выполнялись в России полностью. В отечественной же истории, считает В.В. Керов, процессы развивались иначе.

Как субъекты правоохранительной системы Российской империи на конференции были охарактеризованы Комитет министров Российской империи в первой половине XIX в. (заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва) кандидат юридических наук, доцент **К.Л. Яковлев**), первый департамент Сената (профессор кафедры государствоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), доктор юридических наук, доцент **К.П. Краковский**), охранно-полицейские формирования, не входившие в состав МВД Российской империи (профессор кафедры философии и истории Академии ФСИН

России (Рязань), доктор исторических наук, профессор **Ю.А. Реент**).

Особое место в дискуссии было отведено вопросам, касающимся борьбы с преступностью. Российский опыт рассмотрения борьбы с преступностью как всенародного дела проанализировал профессор кафедры теории и истории государства и права Челябинского государственного университета, доктор юридических наук, доцент **С.Н. Жаров**. Место уголовного розыска в системе оперативно-разыскной деятельности Российского государства на различных этапах его исторического развития охарактеризовали заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент **К.И. Масленников** и доцент кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент **Н.И. Карчевская**, назвавшая сыск атрибутом реализации отечественным государством правоохранительной функции.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград), доктор юридических наук, профессор **О.Е. Финогентова** доложила о результатах анализа оснований проведения оперативно-разыскных мероприятий российской полицией по делам, подведомственным мировому суду, в середине XIX — начале XX в.

Широкое распространение политического террора в России в начале XX в. вызвало необходимость поиска мер борьбы с ним, включая превентивные, отметила профессор кафедры отечественной истории и права Челябинского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, доцент **Н.С. Сидоренко**. На законодательном уровне рассмотрение данных вопросов было возложено на созданную в условиях революции 1905–1907 гг. Государственную думу. Перед Думой были поставлены три связанных между собой задачи: осуждение террора, проведение политической амнистии и отмена смертной казни. Несмотря на различие подходов представителей фракций Государственной думы к проблеме террора, по мнению Н.С. Сидоренко, в ходе острых дебатов удалось добиться определенного компромисса и понимания необходимости выработки мер противодействия

политическому террору. Правительство, опираясь на поддержку умеренных сил в стране и Думе, наряду с репрессиями, пошло по пути реформ: аграрной, рабочего страхования и других.

В XIX в. терроризм превратился в одну из основных угроз национальной безопасности Российской империи, констатировала преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России (Ростов-на-Дону), кандидат юридических наук **Е.С. Палухина**. Правительство создавало институты противодействия ему. Были созданы III отделение Собственной его императорского величества канцелярии, Отдельный корпус жандармов, департамент полиции и его подразделения. Значительная роль в деле обеспечения национальной безопасности государства в этот период была отведена секретной агентуре. Е.С. Палухина сосредоточила свое внимание на привлечении женщин к работе в качестве секретных агентов. Официально женщин стали принимать на службу в правоохранительные органы России лишь в 1916 г. Но уже задолго до этого спецслужбы неоднократно прибегали к услугам «доверительных помощниц», способных доставлять ценнейшую информацию государственной важности. Руководители III отделения, а затем и департамента полиции высоко ценили женщин — тайных агентов, которые могли быть «чертовски обаятельными» и при этом «дьявольски хитрыми», отметила Е.С. Палухина.

Самостоятельный блок вопросов, обсужденных на конференции, составили проблемы формирования и деятельности полицейских органов в регионах Российской империи. Особенности комплектования городских полицейских команд на Урале проанализировал профессор кафедры развития образовательных систем Челябинского института развития профессионального образования, доктор исторических наук, доцент **Е.П. Сичинский**. Становление органов полиции в городах Дальнего Востока Российской империи охарактеризовала старший преподаватель кафедры № 11 гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук **Я.А. Салогуб**. Особенности организации и деятельности полиции имперского Петербурга проанализировал доцент

кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук **А.П. Стоцкий**, особое внимание обративший на значение в деятельности и профессиональной подготовке столичных полицейских Полицейского архива и Музея столичной полиции.

История правоохранительной системы советской России нашла отражение в исследованиях доцента кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва), кандидата юридических наук, доцента **А.В. Борисова** (о специфике взаимоотношений советской милиции и общественности); заведующего кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктора юридических наук, профессора **А.С. Смыкалина** (о соотношении социалистической законности и государственной целесообразности в деятельности советских правоохранительных органов); профессора кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, доктора юридических наук, доцента **М.А. Кожевиной** (об особенностях формирования системы профессиональной подготовки кадров для органов внутренних дел советской России); профессора кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, доктора юридических наук, доцента **О.Н. Мигущенко** (о деятельности советской милиции по противодействию самогонварению); доцента кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, кандидата исторических наук, доцента **А.М. Егорова** (об организации милицеских сборов псковских граждан в 1930 г.).

Профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета доктор исторических наук, профессор **В.А. Иванов**, опираясь на архивные источники, отметил, что в конце 1920-х годов правоохранительные органы советской России работали в стране, в которой не было ни одной сферы жизни, не затронутой кризисом экономики и управления. Всю ответственность за провальную внутреннюю политику на местах власти возлагали на разного рода внешних и внутренних врагов, неповоротливость и непрофессионализм государственных органов. Такая ситуация способствовала при-

нятию поспешного решения о ликвидации в начале 1930-х годов НКВД республик и передаче руководства деятельностью органов внутренних дел фактически аппарату госбезопасности — ОГПУ при СНК СССР. Была осуществлена перестройка системы ИТУ, исповедующей сталинский лозунг о возрастании роли репрессий в этот период «как вспомогательного рычага в деле социалистического переустройства общества». Именно с 1929 г. право, в том числе и уголовное, стало использоваться как инструмент репрессии. До 1929 г. правоохранительные органы страны были задействованы в акциях по ликвидации небольшевистских политических партий и остатков разбитых классов, подчеркнул В.А. Иванов, а после 1929 г. они были втянуты в тотальную чистку общества.

На анализе места органов и войск НКВД в механизме советского государства довоенного периода сосредоточил свое внимание профессор кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат исторических наук, доцент **А.Б. Фёдоров**. СССР 1920-х — 1930-х гг. А.Б. Фёдоров считает неправовым государством. На его взгляд, механизм такого государства включает в первую очередь силовые структуры, исполняющие особую роль. Эта роль основывается на многочисленных и разнообразных полномочиях, под покровом которых силовые структуры могут допускать беззаконие и произвол, которые, в свою очередь, становятся самыми существенными методами реализации внутренней политики государства. Потому тоталитарное государство вынуждено уделять особое внимание формированию специально предназначенных для перманентного «наступления» на народ милитаризованной полиции и вооруженных сил — войск особого назначения. Наступательная тактика такого государства в отношении собственного народа предопределяет и соответствующую концентрацию сил и средств его «внутренней армии», способы ее действий и их нормативную регламентацию, резюмировал А.Б. Фёдоров.

Особый интерес участников конференции вызвали доклады, посвященные анализу различных видов источников историко-правовых исследований. Доцент кафедры источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент **Н.М. Корнева** как

элемент источниковой базы историко-правовых исследований охарактеризовала материалы Российского государственного исторического архива по истории борьбы с должностными преступлениями в органах полиции имперской России. Профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Южно-Уральского государственного университета (Челябинск), доктор исторических наук, доцент **Т.К. Махрова** дала развернутую характеристику различных видов источников, позволяющих изучить деятельность полиции в сфере борьбы с теневыми экономическими структурами на Урале в имперской России. Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор **С.В. Кодак** как источник изучения деятельности НКВД — МВД СССР охарактеризовал документы РКП (б) — ВКП (б) — КПСС. Профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор **Н.Э. Ваюка** посвятила свое исследование изучению списков депортированных немцев из Республики Пovolжья, охарактеризовав их как исторический источник по истории репрессий в СССР. Основой для определения форм и методов работы российской полиции, источником информации о деятельности полиции современной России старший переводчик-методист отдела международного сотрудничества Санкт-Петербургского университета МВД России **Н.С. Меньшикова** назвала результаты социологического опроса «Состояние толерантных межэтнических и межконфессиональных отношений», который автор провела в различных субъектах Российской Федерации.

Особое место в научных дискуссиях на конференции заняли вопросы в рамках темы «История правоохранительных органов России в лицах». К личности петербургского генерал-губернатора и товарища министра внутренних дел, заведующего полицией Дмитрия Трепова, к анализу его роли в российской истории обратился старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук, кандидат исторических наук **С.В. Куликов**. Д.Ф. Трепов является одной из ключевых фигур истории Первой русской революции 1905–1907 гг. В исторической науке

и исторической публицистике за ним закрепились репутация лидера реакционеров. С.В. Куликов предпринял попытку критики такого одностороннего подхода. Обращая внимание на то, что 24 мая 1905 г. Д.Ф. Трепов был назначен товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией, и командиром Отдельного корпуса жандармов с оставлением петербургским генерал-губернатором по личной инициативе Николая II, С.В. Куликов подчеркнул, что Д.Ф. Трепов, формально не возглавляя особого Министерства полиции, фактически стал министром полиции. При этом, утверждает С.В. Куликов, наряду с подавлением революционного движения, Д.Ф. Трепов стремился к установлению компромисса между властью и обществом. Введение университетской автономии и опубликование Манифеста 17 октября 1905 г. состоялись благодаря влиянию Д.Ф. Трепова. Он активно содействовал осуществлению политического преобразований, являлся наиболее решительным сторонником соглашения власти с оппозицией путем образования Совета министров из представителей Конституционно-демократической партии и противником роспуска Государственной думы. Анализ государственной деятельности Д.Ф. Трепова привел С.В. Куликова к выводу, что в конце XIX — начале XX в. Д.Ф. Трепов являлся выдающимся представителем правительственного реформаторства России.

Внимание участников конференции привлек доклад заведующего кафедрой уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург) доктора юридических наук, профессора **А.Д. Прошлякова**, посвященный посмертной «судьбе» генерала В.С. Абакумова. Приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР от 19 декабря 1954 г. В.С. Абакумов, ранее занимавший ряд высоких постов в НКВД СССР, а с мая 1946 по июль 1951 гг. бывший министром государственной безопасности СССР, был осужден по ст. 58–1 «б» (измена родине), 58–7 (вредительство), 58–8 (совершение террористических актов), 58–11 (организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений) УК РСФСР 1926 г. к высшей мере наказания — смертной казни с конфискацией имущества. Этот приговор вступил в силу немедленно и был приведен в исполнение через

один час пятнадцать минут после вынесения.

Процесс реабилитации незаконно осужденных, в том числе и жертв политических репрессий, в 1990-е гг. заставил органы уголовного судопроизводства проверить и уголовное дело В.С. Абакумова. 28 июля 1994 г. Военная коллегия Верховного Суда РФ рассмотрела дело в отношении Абакумова и определила: приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 19 декабря 1954 г. в отношении Абакумова изменить и переqualифицировать его действия. При этом мера наказания была оставлена прежней — высшая мера социальной защиты (смертная казнь) с конфискацией имущества. По протесту заместителя Генерального прокурора РФ Президиум Верховного Суда РФ 17 декабря 1997 г. еще раз рассмотрел дело Абакумова и ранее состоявшиеся судебные решения изменил: назначил Абакумову наказание в виде 25 лет заключения в исправительно-трудовые лагеря и исключил дополнительное наказание в виде конфискации имущества. Комментируя сложившуюся ситуацию, **А.Д. Прошляков** называет ее фантазмагорической и обдумывает вполне закономерный и обоснованный вопрос: а нужно ли вообще пересматривать дела в отношении давно умерших лиц толь-

ко для того, чтобы изменить квалификацию их действий?

Подводя итоги международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)», организованной кафедрой теории государства и права и кафедрой истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России 28–29 апреля 2016 г., ее участники отметили, что работа конференции была плодотворной.

Литература

1. Nizhnik N.S. «The Legal System of Russia: Traditions and Innovations»: All-Russian Scientific-Theoretical Conference (25–27 April 2013, St. Petersburg University of MIA of Russia) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 229–240.
2. Нижник Н.С. «Правовая система России: традиции и инновации»: всероссийская научно-теоретическая конференция (25–27 апреля 2013 г., Санкт-Петербургский университет МВД России) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3 (59). С. 232–240
3. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы международной научно-теоретической конференции (Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г.): в 2 т. / под ред. Н.С. Нижник. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2016.

Реформирование волостного суда в Российской империи по Закону о преобразовании местного суда от 15 июня 1912 г.

*Ефремова Наталья Евгеньевна,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Нижегородской правовой академии
nriinimgina2010@mail.ru*

В данной статье рассмотрены изменения в организации и деятельности волостного суда в связи с принятием Закона о преобразовании местного суда от 15 июня 1912 г.

Ключевые слова: обычное право, волостной суд, организация волостного суда, верхний сельский суд.

Reforming of Volost Court in the Russian Empire under Law on Local Court Reorganization, dated June 15, 1912

*Efremova Natalya E.,
Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law
of the Nizhny Novgorod Law Academy*

This article considers changes in organization and activity of volost court due to adoption of the Law on Local Court Reorganization, dated June 15, 1912.

Key words: customary law, volost court, organization of volost court, supreme rural court.

В рамках крестьянской реформы 1861 г. были созданы волостные суды, деятельность которых основывалась на Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости¹. Так как с отменой крепостного права был ликвидирован суд помещиков, существующая судебная система не могла обеспечить рассмотрение всех этих дел. С целью решения данной проблемы и вводился сословный волостной суд, который был понятен и доступен крестьянам и функционировал на основе обычного права. Стоит отметить, что крестьяне и ранее судились своим собственным судом, так, существовал «суд стариков», старосты, а благодаря реформе это положение было законодательно закреплено. В результате реформы в России сложилось два вида судов: один существовал в рамках писаного права и основывался на единых для всех законах, другой суд — крестьянский — действовал на основе обычного права.

Волостные суды расценивались реформаторами как временное явление, в дальнейшем предполагалось постепенное сближение крестьян с другими сословиями и полное подчинение их общегражданским законам.

Период 70–80-х годов XIX в. — время кризиса всей судебной системы России². Изменения в это время затронули и волостные суды. К концу 1880-х гг. изменились экономические условия жизни, политическая ситуация и правовое самосознание русского крестьянства. В рамках борьбы с революционным движением 1870–1880-х гг. был взят курс на усиление сословной опеки над крестьянством и укрепление власти на местах, что требовало большого количества дворян-попечителей — главной социальной опоры самодержавия. В 1889 г. Александр III утвердил Закон о земских участковых начальниках³, в руках которых находилась судебная и административная власть. Целью реформ, проведенных в 80–90-е гг. XIX в., было сохранение (в отдельных случаях реанимация) «элементов традиционной русской государственности — увеличение центральной власти при отсутствии политической самостоятельности регионов»⁴.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVI. Отд. 1. 1861. № 36657. СПб., 1863.

² Демичев А.А. Судебная контрреформа или кризис судебной системы России в 70–80-е годы XIX в. (Новый взгляд на решение старой проблемы) // Государство и право. 2012. № 10. С. 66–73.

³ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. IX. 1889. № 6196. СПб., 1891.

⁴ Гурьянова М.М. Разработка положения о земских участковых начальниках // История государства и права. 2007. № 21. С. 32.

К началу XX в. выявились неудовлетворительная деятельность земских начальников и вредные последствия объединения в руках одного человека административной и судебной власти — это было четко отмечено в работах дореволюционных исследователей. Так, Л. Таубер писал: «...наше правосудие переживает весьма тяжкий кризис, подготовлявшийся в течение ряда лет в сфере местного суда деятельностью земских начальников и волостных судов...»⁵. И.В. Гессен выступал за уничтожение всех сословных отличий и введение гражданского равенства, писал о необходимости уничтожения института земских начальников и упразднении волостного суда⁶. А. Леонтьев считал необходимым существование волостного суда с применением обычного права⁷. О необходимости пересмотра реформы 1889 г. писал и Б. Филатов, указывал на наличие крупных недостатков в законодательстве⁸. Н. Дружинин высказывал мысль о применении гражданских законов для крестьян⁹. А.И. Лыкошин отмечал разбросанность и неполноту законодательства об общинном и подворном крестьянском землевладении, и задачу предстоящей реформы он видел в упорядочении этих форм крестьянского владения¹⁰.

Следует учесть, что, несмотря на имеющиеся недостатки, волостной суд «вполне удовлетворял нормам народной морали», а об официальном законодательстве крестьяне имели смутное представление¹¹.

22 ноября 1907 г. была утверждена комиссия для разработки законопроекта о реформе местного суда. Одним из острейших вопросов, рассматриваемых комиссией, был вопрос о сохранении волостного суда. Про-

ект обсуждался в течение нескольких лет. В результате победила позиция Государственного совета, который настаивал на сохранении волостного суда, отмечая, что волостной суд близок крестьянам и в территориальном, и в бытовом отношении, что в условиях переходного периода являлось оптимальным вариантом. 15 июня 1912 г. проект закона был утвержден Николаем II.

В данной статье мы попытаемся проанализировать устройство волостных судов по закону о преобразовании местного суда от 15 июня 1912 г.¹²

Законодательным актом, регулирующим деятельность волостных судов, стали «Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введен в действие закон о преобразовании местного суда» (далее — «Временные правила о волостном суде по закону о преобразовании местного суда»)¹³. Тематически он был разделен на четыре части. В I части затрагивались вопросы учреждения волостного суда и верхнего сельского суда, II часть определяла подведомственность и подсудность дел, III часть — порядок производства и решения дел, а в IV части рассматривался порядок обжалования решений волостного суда и верхнего сельского суда. Из всех законодательных актов, посвященных волостному суду, этот документ являлся самым объемным и состоял из 96 статей. Для сравнения: по Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19 февраля 1861 г. деятельности волостного суда посвящено 18 статей, а по Временным правилам о волостном суде по закону о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г. — 42 статьи. Сфера действия нового закона охватывала гражданские дела между крестьянами, а также лицами, подведомственными крестьянскому общественному управлению, между крестьянами и указанными лицами — с одной стороны, и сельскими обществами — с другой, дела о преступных деяниях крестьян и обозначенных лиц, возникающие в пределах одного судебного участка.

Согласно новому законодательству каждая волость составляла самостоятельный судебный участок и имела свой собственный волостной суд. В один волостной судебный участок могли быть объединены не-

⁵ Таубер Л. О реформе местного суда // Право. 1907. № 20. С. 1416–1417.

⁶ Гессен И.В. Реформа местного суда // Право. 1907. № 22. С. 1560.

⁷ Леонтьев А. Волостной суд и обычное право перед судом юридической литературы // Журнал юридического общества. 1895. № 4.

⁸ Филатов Б. Еще о недостатках временных правил о волостном суде // Право. 1899. № 13. С. 670.

⁹ Дружинин Н. Крестьяне и общее гражданское право // Журнал юридического общества. 1896. № 5, 6.

¹⁰ Лыкошин А.И. Общинное и подворное владение // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 2.

¹¹ Безгин В.Б. Оскорбление словом или действием по обычному праву (вторая половина XIX — начало XX в.) // История государства и права. 2009. № 12. С. 22.

¹² ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXXII. 1912. № 37328. СПб., 1915.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1912. № 118.

сколько малолюдных волостей, в то время как многолюдные волости могли быть разделены на несколько судебных участков. Из ведения волостного суда были изъяты входившие в состав волости посады, местечки и другие поселения, не имеющие сельского характера. Волостной суд состоял из председателя, двух членов и двух кандидатов к ним (ст. 4). Если разделение многолюдной волости на несколько судебных участков было неудобно, число членов волостного суда и кандидатов к ним могло быть увеличено, но не более шести человек в каждой категории. Порядок участия членов в судебных заседаниях определялся мировым съездом.

Возрастной ценз для избираемых в волостной суд снизился с 35 лет (по временным правилам о волостном суде по закону о земских участковых начальниках) до 30 лет (по временным правилам о волостном суде по закону о преобразовании местного суда), при этом обязательным требованием становился наличие грамотности. Расширился перечень лиц, которые не могли быть избраны в волостные судьи: 1) лица, лишенные вообще избирательных прав; 2) содержателей заведений для торговли крепкими напитками; 3) лица, занимающие другие должности по волостному или сельскому управлению; 4) евреи. Также в волостные судьи не могли быть избраны лица, судившиеся в волостных судах прежнего устройства за кражу, мошенничество, присвоение или растрату чужого имущества и не оправданные судебными приговорами.

Волостные суды стали делиться на два разряда. Сохранилось денежное содержание для волостных судей, размер которого зависел от разряда суда. Председатель волостного суда первого разряда получал 480 рублей в год, члены суда — 120 рублей в год, а секретарь суда — 360 рублей в год. Для волостных судов второго разряда присваивалось следующее содержание: председателю суда — 360 рублей в год, членам суда — 100 рублей в год, секретарю суда — 300 рублей в год. Кандидаты в члены волостных судов получали вознаграждение в размере 2 рублей за каждое заседание суда, в которых они принимали участие. Стали выделяться деньги на канцелярские расходы в размере 75 рублей, которые поступали в распоряжение председателя суда. Важным нововведением стало то, что все расходы по содержанию волостных судов были за счет государственного казначейства, а не мирских сборов.

Сохраняется присяга по определенной для судьи форме (ст. 9), должностной знак (ст. 16) и печать (ст. 26) для поддержания авторитета волостного суда. Регулярность заседаний волостного суда остается прежней: не менее двух раз в месяц. При рассмотрении дела должны были присутствовать трое судей, включая председателя. Дела решались большинством голосов. Волостной судья не мог рассматривать дела, касающиеся его самого или членов его семьи (по временным правилам о волостных судах 1889 г. касалось только неотделенных членов семьи судьи).

Бумаги, имеющие отношение к делам волостного суда, документы и вещественные доказательства пересылались без оплаты почтового сбора, а производство в волостном суде не подлежало оплате гербовым сбором, судебной пошлиной и сбором с бумаги. Отмена сборов и пошлин, связанных с делопроизводством волостного суда, должна была способствовать его дешевизне, что обеспечивало доступ крестьян к правосудию.

Законодательство ввело особое учреждение «верхний сельский суд», который являлся апелляционной инстанцией. Новый орган состоял из участкового мирового судьи в качестве председателя и из председателей волостных судов судебно-мирового участка в качестве членов верхнего сельского суда. В заседании должны были участвовать председатель и не менее двух членов суда. В случае невозможности собрать присутствие суда согласно ст. 30 и 31 временных правил состав пополнялся из членов волостных судов судебно-мирового участка и кандидатов к ним.

Так как верхний сельский суд по своей сути являлся апелляционной инстанцией, в заседании верхнего сельского суда и в постановлении решений не могли участвовать председатель волостного суда, решение которого обжаловано, а также член волостного суда или кандидат, принимавшие участие в постановлении этого решения (ст. 33). Очередь обязательного присутствия председателей волостных судов, а также очередь, в которой приглашались члены волостных судов и кандидаты к ним, определялась расписанием, составленным мировым съездом (ст. 34). Чрезвычайные заседания верхнего сельского суда назначались его председателем (ст. 35). Делопроизводство верхнего сельского суда возлагалось на секретаря

председательствовавшего мирового судьи. Верхние сельские суды имели свою печать, форма которой была установлена Министерством юстиции. Бумаги, относящиеся к делам верхнего сельского суда, документы и вещественные доказательства пересылались по почте без оплаты весовым сбором. Судопроизводство также не подлежало оплате гербового сбора, судебной пошлины и сбора с бумаги (ст. 40).

Надзор за деятельностью волостных судов вместо земского начальника теперь возлагался на местного мирового судью. Этот судья был обязан производить не менее одного раза в год ревизию каждого из волостных судов своего участка, при этом должностным лицам судов указывались замеченные беспорядки и отступления от законов. Ревизия делопроизводства верхних сельских судов возлагалась на председателя мирового съезда. Результаты ревизии председатель съезда и мировые судьи представляют мировому съезду (ст. 41). Высший надзор за волостными и верхними сельскими судами и рассмотрение приносимых на эти суды жалоб возлагались на мировой съезд. Мировой съезд издавал особый наказ о внутреннем распорядке и делопроизводстве для подведомственных ему судов. Следует отметить, что согласно новому законодательству волостные суды и верхние сельские суды стали подведомственны не Министерству внутренних дел, а Министерству юстиции.

По временным правилам по закону о преобразовании местного суда компетенция волостного суда была ограничена суммой 100 рублей (вместо 300 рублей по временным правилам 1889 г.). Так, в ст. 54 определены гражданские дела, подведомственные волостному суду:

1) иски о движимом имуществе по обязательствам и договорам, не превышающим 100 рублей;

2) иски о вознаграждении за убытки не более 100 рублей;

3) иски о восстановлении нарушенного или утраченного владения, за исключением исков, касающихся внаемных земель и участков отрубного владения, если со времени нарушения или утраты прошло не более года;

4) иски о правах на наделные земли, находящиеся в общинном пользовании;

5) дела по наследованию (кроме исковых дел) и дела по разделам между наследниками крестьянского имущества, входящего в

состав крестьянского надела или составляющего его принадлежность без ограничения суммы;

6) дела по наследованию (кроме исковых дел) и дела по разделам между наследниками оставшегося после крестьянина движимого имущества, находящегося в пределах волостного судебного участка и не составляющего принадлежности крестьянского надела, если ценность его не превышает 500 рублей.

По соглашению между истцами и ответчиками данные иски могли быть предъявлены также в мировые судебные установления. В случае предъявления исков в волостном суде к лицам, ему подведомственным, истцами, не подведомственными, указанные иски подлежали ведению волостного суда.

Что касается дел о наследовании, которые по традиции должны решаться на основе обычного права, появилась поправка «кроме исковых дел», вероятно означающая, что споры и иски о наследственном имуществе не подсудны волостному суду. Сложилась такая ситуация, когда бесспорные дела о наследственном имуществе рассматривал волостной суд, а в спорной ситуации — общий суд, руководствующийся писаным правом. В результате решающая роль доставалась судам общей юрисдикции.

Ряд дел был изъят из ведения волостного суда, к ним относились:

1) дела, касающиеся недвижимого имущества, за исключением указанных в ст. 54 временных правил о волостном суде;

2) иски, основанные на крепостных, нотариальных и засвидетельствованных в установленном порядке актов, за исключением актов, внесенных в книги волостных правлений;

3) иски о взысканиях по векселям.

Иски по делам о недвижимом имуществе и о вознаграждении за убытки в данном имуществе, предъявлялись волостному суду по месту нахождения этого имущества. Иски о вознаграждении за другие убытки и по делам, касающимся движимого имущества, а также различных обязательств и договоров, предъявлялись волостному суду по месту жительства или временному пребыванию. Иски, относящиеся к недвижимым имуществам, находящимся в разных волостных судебных участках или к нескольким ответчикам, живущим в разных волостных судебных участках, предъявлялись волост-

ному суду одного из этих участков по выбору истца.

Помимо гражданских дел, волостной суд рассматривал и уголовные дела, предусмотренные некоторыми статьями Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В ряде случаев эти дела изымались из ведения волостного суда: 1) вред и убытки превышали 100 рублей; 2) выший размер денежного взыскания превышал 100 рублей; 3) совершение обвиняемым нескольких преступных деяний, одни из которых подлежали ведению высшего суда; 4) в преступном деянии участвовали лица, не подведомственные волостному суду; 5) потерпевший относился к лицам, не подведомственным волостному суду. Если виновник относился к лицам, подведомственным волостному суду, потерпевшие имели право обратиться в волостной суд с жалобами. Дела о преступных деяниях подлежали рассмотрению того волостного суда, в участке которого они совершены. Из подсудности волостных судов были изъяты корыстные преступления, предусмотренные ст. 169, 172, 173 и 177 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: кража, покушение на кражу, обман при продаже, купле или мене товаров, присвоение или растрата чужого имущества. Сокрытие перечня преступных деяний, подсудных волостному суду, связано с невозможностью доверить им охрану ряда норм с государственной точки зрения.

Пререкания о подсудности, возникающие между волостными судами одного мирового участка, разрешались верхним сельским судом, которому были эти суды подсудны, а возникающие между волостными судами разных мировых участков — разрешаются верхним сельским судом того участка, в котором дело первоначально возникло (ст. 63).

Пререкания о подсудности между верхними сельскими судами одного мирового округа разрешались мировым съездом этого округа; пререкания между верхними сельскими судами разных округов — тем мировым съездом, в округе которого дело первоначально возникло; пререкания между волостным или верхним сельским судом и мировым судьей разрешались тем съездом, которому подчинен мировой судья (ст. 64).

Порядок производства и решения дел в волостном суде был следующий: волостной суд приступал к разбору дел по просьбам и

жалобам, а по делам о преступных деяниях основаниями их рассмотрения также могли быть сообщения полиции, сельских и других властей. Прошения и жалобы (письменные и словесные) подавались председателю волостного суда, далее он назначал дела к разбору, распоряжался о вызове сторон и свидетелей, подготавливал дела к слушанию (ст. 65 и 66).

Если преступное деяние было совершено в присутствии волостного суда или выявлено при рассмотрении какого-либо дела, то волостной суд возбуждал уголовное преследование независимо от жалобы потерпевшего. При необходимости волостной суд проводил предварительное расследование. В случае, когда волостной суд признавал поступившее к нему дело о преступном деянии не подсудным, дело передавалось участковому мировому судье для восстановления надлежащей подсудности.

Рассмотрение дел производилось устно и гласно. В случаях, когда гласное рассмотрение дела могло оскорбить религиозное чувство либо нарушить требования нравственности или общественный порядок, то дело разбиралось в закрытом заседании. Гражданские дела и дела о преступных деяниях, которые могли окончиться примирением, а также по просьбе обеих сторон, волостной суд разбирал в закрытом заседании. Объявление решения суда должно было происходить в открытом заседании (ст. 68).

В день разбирательства подведомственные волостному суду стороны обязаны были явиться в суд лично. При этом лица, проживающие за пределами волостного судебного участка и дальше 15 верст от места рассмотрения дела, имели право заменить себя представителями. Такая замена могла произойти и в случае наличия уважительных причин, препятствующих личной явке в суд. В качестве представителей могли выступать родные, домашние или односельчане, однако занимающиеся ходатайством по чужим делам за деньги (на профессиональной основе) не могли быть представителями в суде. Лица, не подведомственные волостному суду, могли явиться в суд лично или же заменить себя своими родными, управляющими приказчиками, старостами и другими лицами, служащими у них по хозяйству, а также могли сообщить свои заявления суду в письменной форме (ст. 69).

Волостной суд прекращал дело, которое могло быть окончено примирением, при неявке истца или потерпевшего. В дру-

гих случаях неявки сторон суд мог рассмотреть дело в их отсутствии, а копия протокола заседания сообщалась отсутствующей стороне.

Вызываемые в волостной суд свидетели должны были являться лично, а при наличии уважительных причин допрашивались: в городских поселениях — местным мировым судьей, а в селениях — председателем местного волостного суда. За неявку к назначенному сроку свидетели подвергались денежному взысканию в пользу мирских сумм волости. Размер взыскания зависел от важности дела и от состояния свидетеля и составлял от 25 копеек до 3 рублей, при этом назначался новый срок для явки. На особом положении были свидетели из числа лиц, не подведомственных волостному суду: они не были обязаны личной явкой в суд.

При рассмотрении гражданских дел волостной суд руководствовался местными обычаями (ст. 76); при разрешении дел о преступных деяниях — постановлениями Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (ст. 77), хотя их применение требовало определенной юридической подготовки. При необходимости проводились осмотры местности, а по делам о преступных деяниях еще и обыски и выемки у обвиняемых.

Как и прежде, по гражданским и уголовным делам волостной суд выступал в качестве третейского суда и старался склонить стороны к примирению. Мировая сделка подписывалась сторонами (если они были грамотны) и вносилась в протокол заседания.

Решение волостного суда вступало в законную силу, если не было обжаловано в установленный законом срок. Оно приводилось в исполнение по распоряжению и под наблюдением председателя волостного суда по уголовным делам немедленно, а по гражданским — по просьбе взыскателя. Председатель волостного суда мог обращаться к содействию должностных лиц волостного и сельского управления, а также низших чинов общей полиции (ст. 82). Как отмечал А.П. Манюков, на практике возникли серьезные недоразумения, связанные с отказом лиц, указанных в ст. 82 временных правил, приводить в исполнение поручаемые им решения волостного суда, требуя, чтобы все решения волостного суда приводил в исполнение лично сам председатель суда, а под содействием они понимали свое при-

сутствие в качестве понятых при исполнении решения председателем суда¹⁴.

П. Давыдов писал, что в округах, где введен мировой институт, создалось положение когда «тысячи дел уголовных и гражданских, как переданных из старых волостных судов, так и разрешенных новыми волостными судами, остаются не приведенными в исполнение»¹⁵. Это было связано с отказом волостного старшины и старосты от исполнения решений и приговоров волостного суда, а также отсутствием полицейской власти у председателя волостного суда; сельская полиция оказывала содействие председателю волостного суда только в случае личного к нему расположения, «по знакомству»¹⁶.

Наказание в виде ареста при наличии уважительных причин и с разрешения мирового судьи могло быть отложено на срок до шести месяцев.

При невозможности разрешить дело на основании временных правил и практики волостному суду предстояло обращаться к постановлениям Уставов Гражданского и Уголовного судопроизводства (ст. 86). По мысли законодателя, эта статья должна была способствовать проникновению общих принципов судопроизводства в практику волостных судов.

На решения волостного суда участвующие в деле лица могли приносить апелляционные жалобы (ст. 87). По гражданским делам жалобы принимались в течение 30 дней, а по уголовным — в течение двух недель со дня объявления решения. При отсутствии при рассмотрении дела одной из сторон срок исчислялся со дня вручения отсутствовавшей стороне копии протокола заседания суда. По гражданским делам в месячный срок допускалась подача жалоб о пересмотре вступивших в законную силу решений волостного суда при: 1) открытии новых обстоятельств дела; 2) обнаружении подлога в актах, на основании которых принято решение (со дня вступления в силу приговора уголовного суда о признании акта подложным). Если со времени принятия решения

¹⁴ Манюков А.П. О привидении в исполнение решений волостных судов // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 1. С. 184.

¹⁵ Давыдов П. Порядок исполнения решения и производства поверочных действий волостных и верхних сельских судов // Право. 1914. № 49. С. 3371–3372.

¹⁶ Там же. С. 3372.

прошло 10 лет, жалобы не подлежали рассмотрению. Решения верхнего сельского суда по апелляционным жалобам на волостной суд считались окончательными (ст. 91).

На решения и приговоры верхнего сельского суда кассационные жалобы подавались в мировой съезд через мирового судью. Сроки и правила оставались те же, что и для подачи апелляционных жалоб.

В случае отмены решения или приговора верхнего сельского суда мировой съезд передавал дело на рассмотрение другого верхнего сельского суда (ст. 94). По делам о преступных деяниях с разрешения мирового судьи дело может быть возобновлено: 1) в случае открытия новых обстоятельств, обнаруживающих невинность осужденного; 2) обнаружение подложности доказательств, на которых основано решение волостного суда или приговор верхнего сельского суда (ст. 95).

Производство в мировом съезде по делам волостной подсудности не подлежало оплате гербовым сбором и сбором с бумаги.

Закон «О преобразовании местного суда» вступал в силу с 1 января 1914 г. и распространялся на Харьковскую, Екатеринославскую, Курскую, Полтавскую, Черниговскую, Киевскую, Волынскую, Подольскую, Херсонскую и Таврическую губернии. В 1915 г. планировалось ввести закон еще в 10 губерниях (Витебская, Виленская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская, Бессарабская, Воронежская, Орловская и Тамбовская) и четырех крупных городах (Нижний Новгород, Казань, Саратов и Астрахань). С.В. Лонская отмечает, что приступить к введению нового закона не спешили, а в связи с началом Первой мировой войны и последующими революционными событиями «путь к единству волостной и мировой юстиции был прерван»¹⁷.

«Преобразуемый волостной суд по составу судей оказывается не лучше осужденного действующего волостного суда. По судопроизводственным порядкам волостной суд в некоторых частях поставлен в худшие условия»¹⁸.

Негативно отзывался о волостных судах Н.С. Тимашевич, отмечая, что от них «во-

обще нельзя ожидать удовлетворительного применения какого-либо закона», и пренебрежительно называл их «судами третьего сорта»¹⁹.

Следует согласиться с А. Леонтьевым, что при таком ограничении компетенции по новым правилам волостной суд терял всякое значение, а «все острые пререкания о сохранении или упразднении волостных судов теряют практическое значение и превращаются в академические споры»²⁰. В качестве первостепенной государственной задачи он выделял кодификацию обычного права.

М. Стиваль отмечал, что «кодифицирование обычного права уничтожило бы все существенные признаки этого права и все его неоспоримые достоинства»²¹, такие как гибкость и приспособляемость обстоятельствам жизни согласно с условиями времени и места, и способствовало бы омертвлению обычного права.

Подводя итоги статьи, сделаем следующие выводы.

Волостной суд по закону о преобразовании местного суда освобождался от дисциплинарной власти земских начальников и был введен в общую судебную систему, сохраняя при этом свой сословный характер. Появилась новая апелляционная инстанция — «верхний сельский суд» с участковым мировым судьей в качестве председателя. Кассационной инстанцией суд являлся мировых судей.

Жизнь крестьянского сословия рассматривалась как переходный этап, а сохранение волостного суда, пусть и с ограниченной компетенцией, связано с доступностью и близостью к крестьянам в территориальном и бытовом отношении.

Литература

1. Безгин В.Б. Оскорбление словом или действием по обычному праву (вторая половина XIX — начало XX в.) // История государства и права. 2009. № 12.
2. Гессен И.В. Реформа местного суда // Право. 1907. № 22.
3. Гурьянова М.М. Разработка положения о земских участковых начальниках // История государства и права. 2007. № 21.

¹⁷ Лонская С.В. Мировые и волостные суды Российской империи на пути к единству // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 9. С. 13.

¹⁸ Черносвитов К. Преобразование волостного суда // Право. 1912. № 18. С. 1035.

¹⁹ Тимашевич Н.С. Уголовное уложение и волостной суд // Право. 1914. № 20. С. 1625.

²⁰ Леонтьев А. Волостной суд по новому закону о местном суде // Право. 1914. № 2. С. 118.

²¹ Стиваль М. Народный суд и народное право // Северный вестник. 1896. № 12. С. 112.

4. Давыдов П. Порядок исполнения решения и производства поверочных действий волостных и верхних сельских судов // Право. 1914. № 49.
5. Демичев А.А. Судебная контрреформа или кризис судебной системы России в 70–80-е годы XIX в. (Новый взгляд на решение старой проблемы) // Государство и право. 2012. № 10.
6. Дружинин Н. Крестьяне и общее гражданское право // Журнал юридического общества. 1896. № 5; 6.
7. Леонтьев А. Волостной суд и обычное право перед судом юридической литературы // Журнал юридического общества. 1895. № 4.
8. Леонтьев А. Волостной суд по новому закону о местном суде // Право. 1914. № 2.
9. Лонская С.В. Мировые и волостные суды Российской империи на пути к единству // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 9.
10. Лыкошин А.И. Общинное и подворное владение // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 2.
11. Манюков А.П. О привидении в исполнение решений волостных судов // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 1.
12. Стиваль М. Народный суд и народное право // Северный вестник. 1896. № 12.
13. Таубер Л. О реформе местного суда // Право. 1907. № 20.
14. Тимашевич Н.С. Уголовное уложение и волостной суд // Право. 1914. № 20.
15. Филатов Б. Еще о недостатках временных правил о волостном суде // Право. 1899. № 13.
16. Черносивитов К. Преобразование волостного суда // Право. 1912. № 18.

Рецензия на монографию: Абдулин Р.С. Судебное управление в Российской Федерации (1917–1990 гг.). Историко-юридическое исследование. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2014. 360 с.

*Кодинцев Александр Яковлевич,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Сургутского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
Balsak1@yandex.ru*

Review of Monograph: Abdulin R.S. Court Administration in the Russian Federation (1917–1990). Historical Legal Research

*Kodintsev Alexander Ya.,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Surgut State University,
Doctor of Law, Professor*

В последнее время в историко-правовой науке наблюдается повышенный интерес к истории судебного управления в России. Вышло много публикаций, защищены диссертации, работает группа исследователей (И.И. Олейник, А.С. Смыкалин, Д.С. Серов, Е.О. Шкрыль, О.Ю. Олейник, П. Соломон и другие). В издательстве «Юрлитинформ» в 2014 г. вышла монография нового исследователя — Р.С. Абдулина. Научный интерес Роберта Семеновича Абдулина, в настоящее время заведующего кафедрой Курганско-

го госуниверситета, возможно, обусловлен тем, что в прошлом он руководил Управлением судебного департамента в Курганской области. Близкое знакомство с организацией судебной деятельности могло подтолкнуть его к написанию историко-правового труда по проблемам судебного управления в Советской России.

В силу большого интереса к данной научной проблеме (опубликовал 70 статей и одну монографию по истории судебного управления) мы решили подвергнуть моно-

графию Р.С. Абдулина тщательному анализу. Можно сразу отметить, что в настоящее время нет аналогичного (монографии Абдулина) обобщающего труда по истории советского судебного управления за весь период его осуществления. Это неизбежно позволяет Р.С. Абдулину претендовать на оригинальность и научную новизну. Прочие исследователи, как правило, подробно рассматривали отдельные периоды истории советского судебного управления, не проводя комплексного анализа всей истории руководства судами.

Исследователь перечисляет ученых, занимающихся изучением судебного управления. Некоторым он дает оценку, правда, иногда не очень определенную. Например, «исследовали вехи развития советского суда без достаточного критического анализа» (что такое достаточный критический анализ?) (о А.С. Смыкалине и Л.П. Маковской, с. 8). Многие специалисты по судебному управлению Р.С. Абдулину не известны: В.К. Акулов, О.Ю. Олейник, В.А. Павлов, Г.В. Куликов, Л.И. Черкесов, И.А. Коссов, Н.Н. Андрюшечкина, В.А. Байдуков, З.М. Зуев, Н.А. Ельчанинов, И.М. Железко, И.Н. Ананов, Ю.М. Козлов, А.Л. Ривлин, Р.А. Лопухов, А.Е. Лунев, Н.П. Макарова, В.П. Нажимов, Ч.А. Баширов, И.И. Мартинович, Л.А. Спектор, В.Д. Сысоев, Л.Ф. Лесницкая. Если бы исследователь обратился к нашей статье (Судебное управление: теория и история // Актуальные проблемы юридической и исторической науки: международный профессорский сборник научных статей: к 60-летию со дня рождения почетного работника высшего профессионального образования РФ, д.ю.н., проф., А.С. Смыкалина. Екатеринбург, 2012), он бы узнал о многих проблемах теории судебного управления. Дискуссии, существовавшие в советской научной литературе в 1950–1980-е гг. по сущности судебного управления, затрагиваются автором в разных местах монографии, что затрудняет их восприятие. Исследователь совершенно не рассматривает споры, разгоревшиеся в 30-е гг. XX в., о судебном надзоре и его соотношении с судебным управлением и судебной политикой. Споры 1950–1980-х гг. о соотношении понятий «судебное управление», «организационное руководство судебной деятельностью», «организационное обеспечение судебной деятельности», дискуссии о том, какие элементы включает в себя судебное управ-

ление, о соотношении понятий «судебное управление» и «управление в сфере юстиции» также ему не известны.

Чем ближе повествование автора приближается к нашему времени, тем лучше он формулирует термины, подробнее описывает особенности руководства судами. Можно согласиться с утверждением исследователя, что в настоящее время судебное управление — это элемент (функция) судебной власти, распределенная между несколькими субъектами (с. 10). Автор убедительно доказывает эту точку зрения. Верно, подмечает, что деятельность Временного правительства по судебной реформе демонизировалась, а советская судебная система идеализировалась. Исследователь во многих случаях призывает к взвешенному подходу. Р.С. Абдулин выделяет внешнее управление (со стороны наркомата-минюста) и внутреннее (внутрисистемное) со стороны судов. Это интересная точка зрения нуждается в подробном разъяснении. В книге исследователь разъяснения не дает, но его идею можно реконструировать по материалам монографии.

Нельзя не согласиться с юристом, который утверждает, что многие методы и приемы судебного управления переходят из одного исторического периода в другой, то есть являются универсальными (с. 50). Утверждая, что функция государства по руководству судами то сужалась, то расширялась в зависимости от целей и задач, которые стоят перед государством в данный исторический момент (временной фактор), а также от материального обеспечения судов (вневременной фактор), исследователь невольно соглашается с нашей концепцией государственной политики в сфере юстиции (см., например, автореферат диссертации «Государственная политика в системе органов юстиции СССР в 1933–1956 гг.», с. 45).

К сожалению, работа содержит множество фактических ошибок. Так, вместо Основ судостройства Союза ССР и союзных республик 1924 г. мы узнаем, что существовали Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостройстве (с. 9), Особое совещание ОГПУ «было создано в 1929 году» (с. 19), а на самом деле общеизвестно, что ОСО было создано в 1924 г. Наркомат юстиции оказывается «прототипом» Министерства юстиции империи (с. 17); Крыленко — министром юстиции СССР (с. 18); первый (ленинский) период оказыва-

ется временем демократизации суда; массовые репрессии начались после 1934 г. (с. 19); в третьем периоде (1956–1964 гг.) судебное управление сосредотачивается в высших судебных органах (а куда исчезли министерства юстиции республик?), правда потом исследователь все-таки обнаруживает республиканские министерства на рубеже 1950–1960-х гг. (с. 230–232).

В исследовании автор критикует меня и И.И. Олейник за «некритичное отношение к понятиям...». Но какие же новые понятия он предлагает, что нового он вносит своим исследованием? Напрасно вы стали бы искать новые термины. Ничего не предлагается, Р.С. Абдулин переписывает старые представления и категории. На с. 88, критикуя И.И. Олейник, исследователь сожалеет, что проблему истории судебного управления она оставила за рамками своей работы и сосредоточилась на управлении юстицией. Это вызывает недоумение, И.И. Олейник в своей работе вполне обоснованно включает судебное управление в понятие управление юстицией и не отрывает суд от правосудия. Р.С. Абдулин ссылается только на автореферат Олейник. Между прочим, в положениях, выносимых на защиту, И.И. Олейник в том числе перечисляет функции судебного управления Наркомюста РСФСР. В самой диссертации истории судебного управления посвящено чуть меньше половины текста. И.И. Олейник проанализировала эксперименты в сфере судебного управления в РСФСР.

Исследователь подвергает критике наши работы. Точнее одни работы — авторефераты диссертаций. Очевидно, с другими работами он не знаком. Исследователь упрекает нас в том, что в диссертационном исследовании отсутствуют понятия «органы юстиции», «административные органы юстиции» и пр. Помимо того, что не понятно, почему на нас возлагается обязанность представить эти термины, они, увы, в диссертации, которую Р.С. Абдулин не читал, присутствуют. Также, по утверждению Р.С. Абдулина, в работах И.И. Олейник и А.Я. Козинцева, которые он не читал, понятие «юстиция» присутствует «без должного логического оформления». Что под этим «оформлением» понимать? Остается только догадываться. Также, по мнению Р.С. Абдулина, в работах И.И. Олейник и А.Я. Козинцева понятие «юстиция» совпадает с другими понятиями — «суд», «адвокатура» и прочее.

Это происходит «в результате крайне нестрогое употребление этих терминов». Что исследователь имел в виду под «нестрогим употреблением терминов», остается только догадываться. Возможно, речь идет о том, что в нашем исследовании и исследовании Ирины Ивановны Олейник термин «органы юстиции» (а никак не юстиция) обнимает собой все органы, связанные с правосудием, безотносительно к их ведомственной принадлежности? Но это только догадки. Автор не делает ссылок на работы исследователей, так как ему не на что сослаться. Неправоммерно отсекая от органов юстиции, на наш взгляд, прокуратуру, адвокатуру и прочие органы/учреждения, исследователь относит к органам юстиции только суд и министерства (наркоматы) юстиции (с. 90). Правда, в другом месте он к органам юстиции относит только минобуч и их региональные подразделения (с. 19). Так и остается неясной «должно оформленная строгая терминологическая позиция» автора по этому вопросу.

Работа содержит множество непонятных фраз и выражений: «сохраняется неотрывность судебной системы и судебного управления» (с. 19); «в связи с изложенным не лишне напомнить» (с. 32); «Однако все осложнялось тем, что Временное правительство, очутившись в стужке назревших юридических, экономических и политических причин, в условиях нарастания социальной напряженности, частых правительственных кризисов, продолжающейся Первой мировой войны, оказалось не готовым к проведению кардинальных изменений в дальнейшем государственном устройстве, в том числе и в сфере судостроительства и судопроизводства» (с. 46); «Между тем запущенный процесс формирования новой судебной системы Советской республики привел к пониманию всей глубины, сложности и масштабности такой организации» (с. 74). Или: «Следует также учесть, что судебное управление в некоторые исторические периоды было ситуационным, при котором использовались его возможности прямого приложения к конкретным условиям». Или: «Таким образом, на взгляд автора монографии, государством была реализована цель, обусловленная именно данным этапом его развития, его политической стратегией, поскольку многие внешние и внутренние факторы, не позволившие до этого провозгласить данный принцип на конституционном уровне, утратили свою актуальность»

(с. 108); «Советское государство прибегало к некоему эклектизму, то есть выделению путем критики из различных систем самостоятельных принципов...» (с. 133); «К сожалению, реформаторские идеи Временного правительства по преобразованию судебной системы, сложившейся к Февральской революции 1917 г., не получили своего развития после Октябрьской революции 1917 г., поскольку во многих исследованиях советского периода законодательная деятельность Временного правительства, в том числе и по организации судебного реформирования, освещалась, как правило, фрагментарно» (с. 314).

Иногда просто невозможно понять, что автор имел в виду (с. 81–82). Например, рассуждая о теории судебного управления, исследователь нагромождает массу слабо связанных между собой слов. В итоге этого нагромождения он доходит до некой ситуативной теории судебного управления. Причем, как оказывается, эта никому не известная «ситуативная теория» внесла большой вклад в теорию управления! (с. 82). Вообще, теория судебного управления выступает у автора как субъект! «В названные исторические периоды судебное управление наиболее жестко концентрировало свою деятельность на конкретной ситуации, определяло значимые переменные ситуации и их влияние на эффективность судебной деятельности».

На с. 72 автор ссылается на несуществующий параграф своей книги «Реформаторские идеи Временного правительства России по реорганизации судебной системы и судебного управления самодержавия!» ряде случаев (с. 83) автор говорит о партийно-советском управлении органами юстиции в настоящем времени. Ссылаясь на диссертацию А.И. Казакова, на с. 196–197 («Органы судебного управления РСФСР в период с 1930 по 1970 годы») исследователь неверно указывает страницы (с. 10 и 14 вместо листа 58). Возникает ощущение, что автор так торопился, что не отредактировал работу.

Интерес представляет периодизация Р.С. Абдулина. Исследователь выделяет шесть периодов судебного управления в советской России. Первый период — 1917–1930 гг., второй — 1930–1956 гг., третий — 1956–1964 гг., четвертый — 1970–1985 гг., пятый — 1985–1991 гг., шестой — 1991–1998 гг. Временной отрезок 1964–1970 гг. у

автора пропал, правда, в другом месте работы (с. 112) «темные годы» «всплывают». Их автор относит к четвертому периоду. Как можно заметить, в основу периодизации положены то политические критерии, то изменение организационной структуры органов судебного управления (1956, 1970, 1998 гг.). Четких обоснований такого деления автор не приводит, фактически периоды разделены по вождям: ленинский, сталинский и т. д. Характер судебного управления до 1922 г. и после существенно различался, но Р.С. Абдулин никак это различие не оговаривает (с. 17–21, 101–117).

В главе 1 раскрывается период судебного управления в 1871–1922 гг. (до середины главы). Излагается деформация системы правосудия в конце XIX — начале XX в. Остается недоумевать, зачем этот материал вставлен в монографию? Ведь ни одной фразы по судебному управлению за этот период в книге вы не найдете. Когда автор рассказывает об актах, принятых Временным правительством по реформе судебной системы, он именует их «организационно-управленческая деятельность» (с. 40), хотя при ближайшем рассмотрении видно, что эти акты относились к судоустройству, а не к судебному управлению. Собственно управлению Минюста Временного правительства автор отводит один абзац, скромно упоминая, что этот вопрос в литературе не освещен, но «можно с полной уверенностью утверждать, что в задачи Министерства входило осуществление руководства судебными органами» (с. 47).

К сожалению, в главе также содержатся фактические ошибки. Например, на с. 48 автор утверждает, что в октябре 1917 г. большевики составляли большинство в Советах. На самом деле большевики (после выборов сентября) составляли большинство только в Советах нескольких крупных городов. Власть перешла к большевикам без кровопролития (как утверждает автор) только в столице, а в стране началась Гражданская война. Исследователь утверждает, что в планы Советского государства (Р.С. Абдулин имеет в виду большевиков) входила идея независимости судей. Насколько известно, в большевистской доктрине идея разделения властей никак не была представлена. Наоборот, Ленин выдвигал концепцию единого государства, где все органы власти подчинены Советам. Вообще проблема судебной власти почти не интересовала эсеров и эсдэков.

Во § 2 главы 1 автор пытался определить судебное управление в идеологии советской власти. Но вся идеологическая часть у него сводится к отдельным высказываниям Ленина о будущем советском суде. Точки зрения других советских идеологов, повлиявших на формирование советской судебной системы, автору не известны. Собственно говоря, самому судебному управлению посвящено только две страницы из 20. Остальные посвящены формированию судебных органов, конфликту с эсерами и прочее. Автор, выражая свою позицию, осторожно симпатизирует большевикам. Далее (§ 3) исследователь раскрывает роль судебного управления в системе государственного управления. На самом деле параграф состоит из двух частей. Одна дополняет § 2 главы 1, другая немного раскрывает концепции судебного управления 50–80-х годов XX века. Совершенно выбивается из контекста § 4. Автор собирает в нем разнородные элементы, критику других ученых, концепции судебного управления, судеустройство при Петре I и снова, во второй раз, хронология судебного управления. При выстраивании своей хронологии автор пытается сформулировать свои критерии периодизации, но в итоге у него ничего не получается. В отдельных местах (например, с. 108–109) работа носит пафосно-публицистичный, морализаторский, ненаучный характер.

Глава 2 по замыслу автора должна была охватывать один период истории советского судебного управления и начинается с... 1917 г.! То есть автор вынуждает себя повторять часть содержания предыдущей главы. Глава содержит много общих рассуждений. Автор быстро отходит от названия главы. Например, § 2 полностью посвящен преюстиции министерств юстиции империи, СССР, РФ, Судебного департамента. Преюстиция, впрочем, при прочтении этого параграфа выявить сложно. Автор последовательно перечисляет функции этих ведомств по судебному управлению и никак не показывает взаимосвязь, хотя постоянно о ней говорит. Исследователь приводит принципы, характерные для судебного управления 1920-х гг. В том числе классовость, демократический централизм, революционную законность, двойное подчинение, народовластие, кадровое обеспечение, планирование. Принципы эти автором описаны схематично. Не ясно, как они в реальности реализовывались в судебной системе. Имеющееся у нас

данные позволяют сказать, что эти принципы реализовывались плохо. Наконец в § 4 автор отчасти раскрывает историю судебного управления в 1922–1930 гг.

В главе 3 раскрывается история судебного управления в 1930–1956 гг. Вначале автор останавливается на изменении идеологии судеустройства и судебного процесса. Второй параграф вроде бы посвящен судебному управлению в 1930-х гг. (автор перечислил документы), но на самом деле руководству отводится только четыре страницы из 10. Напрасно мы стали бы искать в главе оценку качества работы со стороны наркоматов юстиции и региональных управлений наркоматов юстиции. Автору ничего не известно о борьбе председателей областных судов и начальников УНКЮ за контроль над органами юстиции. Он не знает, как менялась судебная политика под воздействием наркоматов юстиции. Ему не известно о такой важной функции начальников УНКЮ, как внесение представлений в верховные суды республик для пересмотра судебных дел (ревизионный пересмотр дел). Он ничего не знает о дискуссиях 1941 и 1948 гг. о характере судебной ревизии. Совершенно не знает о порядке проведения ревизии, об актах, которые были приняты в этой области, о литературе по ревизионным обследованиям, о формах ревизии. Он совершенно не знает, как осуществлялось материально-финансовое обеспечение судебных органов. Ничего не знает о кадровых кампаниях в судебной системе, в том числе о самой крупной — послевоенной. Ему не известны подзаконные акты наркоматов (министерств) юстиции, их судебных управлений по управлению. Он не знает, как осуществлялось судебное управление в системе военных трибуналов, транспортных и лагерных судов, кто назначал состав судов. Он не знает, как изменялась структура управлений, руководивших судами в СССР. Не знает, о чистке органов юстиции в 1948 г. и как это повлияло на изменение характера ревизий. Не знает, какие применялись методические рекомендации по организации ревизий, практик судей, обобщений судебной практики и пр. Он совершенно не знает о том, как региональные Управления Минюста участвовали в организации выборов народных судей с 1948 г. Не знает, как происходил процесс постепенной передачи полномочий от административных органов юстиции судам в 1954–1956 гг.

В главе 4 исследователь подробно и обстоятельно описывает полномочия различных органов по судебному управлению. Изменяется стиль повествования. Правда, автор, к сожалению, по-прежнему, допускает ошибки. Например, он утверждает (с. 237), что на президиумы областных судов функции судебного управления были возложены только в 1964 г. До этого они осуществляли только судебный надзор. На самом деле функции по судебному управлению они стали осуществлять с 1956 г., только, возможно, это не было оформлено законодательным актом, а только приказом министра юстиции. Он описывает дискуссии о природе постановлений Пленумов верховных судов (не являются ли они актами управления?). К сожалению, автор не знает о том, что такие дискуссии возникали в СССР и в 1920-е, и в 1930-е гг., и в послевоенные годы. Из стройного повествования главы 4 неожиданно выбивается § 4. Хотя он должен, судя по названию, охватывать период 1956–1964 гг., автор снова (в четвертый раз) начинает излагать точки зрения политиков и ученых на проблемы суда и судебного управления. Параграф наполняется общими рассуждениями, резкими переходами от одной темы к другой без пояснений, идут повторы из предыдущих глав. Название параграфа предполагает изучение источников советского управления в 1950–60-е гг. К таковым источникам автор относит труды Ленина, Стучки, акты Совнаркома, приказы наркомов (так!). Очевидно, к источникам автор относит также и труды ученых. Это достаточно спорное мнение. Обычные работы исследователей рассматриваются как теоретический или историографический, но никак не исторический источник. В общем, название параграфа «Суды и судебное управление в середине 1950 — середине 1960 гг.: источниковедческий аспект изучения» не соответствует его содержанию.

Глава 5 посвящена судебному управлению с 1964 по 1990 (1995?) гг. Чем ближе к нашему времени, тем точнее, увереннее становится исследователь. Он последовательно, логично излагает материал, делает удачные выводы, не допускает противоречий.

Тем не менее период 1965–1970 гг. все-таки у исследователя пропадает. Высказываясь (в главе 4) о положительном опыте передачи полномочий по судебному управлению высшим судам, он не приводит ни одного факта в доказательство этого утверждения. В § 1 главы 5 исследователь достаточно убедительно излагает историю судебного управления в 70–80-е гг. XX в. Однако уже в § 2 стиль изложения резко меняется, все смешано: психологическое тестирование судьи, XIX партконференция, кодексы судейской этики, совещание председателей судов и прочее. Как обычно автор выстраивает резкие стилистические переходы без объяснений. В § 3 исследователь изложил содержание Закона о статусе суде 1989 г. и споры ученых о характере внутрисистемного управления в судебной системе. Наконец, в § 4 Р.С. Абдулин обосновывает необходимость создания Судебного департамента.

Р.С. Абдулин, к сожалению, как и ряд других исследователей, отождествляет органы юстиции с административными органами юстиции, не включая в них суд и прочие органы, обеспечивающие правосудие (с. 19). Хотя сам Р.С. Абдулин в этом не уверен (см. выше). Здесь исследователь просто следует нормативным актам советского времени, в которых законоведы без особых размышлений именовали органами юстиции, как правило, Минюст и его региональные подразделения.

В исследовании много общих мест. На с. 314–315 автор отождествляет историю и историографию! Автор плохо знаком с проблематикой теории судебного управления. Страдает доказательная база, очень мало архивов. Сами архивные дела используются автором для иллюстрации, а не для аналитических обобщений. Автор утверждает ту или иную точку зрения или опирается на собственные ощущения / воспоминания или просто с кем-нибудь соглашается. Работа похожа на очерки, постоянно нарушается логика повествования. К странностям можно отнести неоднократные противоречия в монографии. Остается надеяться, что данный материал будет переработан автором и замысел исследователя воплотится в новый труд по истории судебного управления.

Генезис особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам

*Мурашкин Игорь Юрьевич,
начальник Управления губернатора Омской области
по профилактике коррупционных и иных правонарушений,
кандидат юридических наук
igormurashkin@mail.ru*

В этой статье автор исследует правовую природу особого порядка судебного разбирательства, его возникновение и становление в зарубежном и российском уголовном процессе. Проводится сопоставление сокращенной формы судебного разбирательства, предусмотренного УПК РФ, аналогичным правилам, предусмотренным законодательством государств англо-саксонской и континентальной систем права. Посредством исторического анализа обоснован вывод об отнесении отечественного особого порядка судебного разбирательства к формам судопроизводства, присущим романо-германской правовой семье.

Ключевые слова: особый порядок, упрощенный порядок разбирательства, англо-саксонская система права, романская (континентальная) система права.

Genesis of Special Procedure of Judicial Trial on Criminal Cases

*Murashkin Igor Yu.,
Head of the Administration of the Governor of the Omsk Region
for Prevention of Corruption and Other Offences,
Candidate of Legal Sciences*

In this article the author examines the legal nature of the special order of judicial proceedings, its emergence and establishment in foreign and Russian criminal procedure. A comparison of the abbreviated form of the trial prescribed by the code of criminal procedure, similar to the rules provided for by the legislation of the States of the Anglo-Saxon and continental systems of law. Through historical analysis, the conclusion about reference of the national special court order proceedings to the forms of justice inherent in the Romano-Germanic legal family.

Key words: special procedure, simplified procedure of proceedings, the Anglo-Saxon system of law, Romanesque (continental) law system.

Дифференциация современного российского уголовно-процессуального законодательства в сторону его ускорения и упрощения в последнее время остается одним из основных лейтмотивом государственной политики. Правила особого порядка судебного разбирательства, установленные главой 40 УПК РФ, являются основополагающими при реализации ряда сокращенных производств уголовного процесса. По этой причине интересен опыт других государственно-правовых систем в сфере упрощения процедуры судебного разбирательства, который может быть использован для становления этого порядка судопроизводства в России. Тем более стремление упростить процедуру судопроизводства по уголовным делам, в которых обвиняемый признает свою вину, а само преступление не представляет большой общественной опасности, является общей тенденцией многих госу-

дарств¹. «Необходимость в ускоренных и упрощенных формах уголовного процесса признана и на международном уровне в ряде рекомендаций органов ООН и Совета Европы»².

Пожалуй, наиболее известной и обсуждаемой в юридической литературе является американская «сделка о признании», которая имеет ряд общих черт с российским особым порядком судебного разбирательства. В частности, «обвиняемый признает обвинение или его часть и тем самым освобождает обвинителя от необходимости

¹ Торкунов М.А. Порядок принятия судебного решения, предусмотренный главой 40 УПК РФ, нуждается в совершенствовании // Право в Вооруженных силах. 2008. № 4. СПС «КонсультантПлюс».

² Шамардин А.А., Бурсакова М.С. К вопросу о правовой природе особого порядка судебного разбирательства и проблемах его совершенствования // Российский судья. 2005. № 10. С. 13.

доказывать это обвинение в сложной состязательной судебной процедуре. Обвинитель, в свою очередь, обязуется уменьшить объем предъявленного обвинения, смягчить свою позицию по вопросу квалификации, требовать наказания не выше оговоренного сторонами предела»³. Вместе с тем, как указывает В.В. Вандышев, отечественное процессуальное законодательство в целом не теряет характеристик континентального права и, следовательно, находится в его системе⁴. Эту же позицию отмечают в своих работах Р. Давид и К. Жоффре-Спинози⁵.

С другой стороны, упрощенная процедура уголовного судопроизводства присуща американской системе права, ставшей правопреемницей англосаксонской системы общего права. Чтобы выяснить место особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам в России и перспективы развития этого института, сопоставим романо-германскую, с одной стороны, и англосаксонскую и американскую, — с другой, системы права.

В романо-германской правовой семье «на первый план выдвинуты нормы права, которые рассматриваются как нормы поведения, отвечающие требованиям справедливости и морали.., начиная с XIX века господствующая роль отведена закону, и в странах, принадлежащих к этой семье, действуют кодексы»⁶.

Англосаксонская правовая семья общего права менее формализована законодательными актами, судебное решение жестко не регламентировано. «Английское право — это не право, изученное в университете, не право принципов. Наоборот, это право процессуалистов и практиков»⁷.

Очевидно, что способ разрешения уголовного дела без исследования доказательств виновности наиболее органично вписывается в правовую систему, где главным является лишь вердикт.

Однако существующая в России континентальная система права требует от судьи или другого уполномоченного должностного лица не только принятия решения, но и его обоснования.

Вместе с тем «англо-американская доктрина уголовного судопроизводства, без достаточных к тому оснований инкорпорированная в УПК РФ, тоже не ставит вопрос об установлении истины в ходе производства по уголовным делам. По мнению ее сторонников, достижение истины в уголовном процессе исключено»⁸.

Именно по этой причине возникли споры относительно возможности применения в российской судебной практике упрощенного порядка судебного разбирательства по англо-американскому типу⁹.

Достижение цели ускорения уголовного процесса путем сокращения его форм свойственно правовым системам ряда западноевропейских стран, которые сегодня приходят к возможности рассмотрения судом уголовных дел с определенными изъятиями из уголовного процесса при определенных условиях. Чаще всего к числу таких условий относится согласие обвиняемого с обвинением, а также содействие правоохранительным органам на досудебной стадии производства по делу.

Например, как указывает А.В. Смирнов «с относительно недавнего времени в уголовном судопроизводстве Испании и Италии и некоторых других европейских государств стали применяться сделки, объектом которых является не сама виновность, а формальное согласие обвиняемого с обвинительным заключением (конформидад — ст. 655, 689.2 УПК Испании) или „обозначение наказания“ — так называемое „паттеджаменто“ (ст. 444–448 УПК

³ Торкунов М.А. Указ. соч.

⁴ Вандышев В.В. Уголовный процесс: общая и особенная части: учеб. для юрид. вузов и факультетов. М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: пер. В.А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 118.

⁶ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 21.

⁷ Там же. С. 241.

⁸ Ищенко Е.П. Какая истина нужна в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. 2008. № 1. СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См., напр.: Волеводз А.Г., Литвишко П.А. Упрощенное (ускоренное) уголовное судопроизводство в некоторых странах Европы // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 39; Погодин С.Б. Некоторые актуальные проблемы применения особого порядка судебного разбирательства в состязательном уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. № 9. С. 61; Рябина Т.К. Особый порядок судебного разбирательства как одна из сокращенных форм уголовного судопроизводства // Российский судья. 2004. № 9. С. 21.

Италии)... Судебное следствие при этом не производится»¹⁰.

Упрощенный порядок уголовного судопроизводства используется в разных интерпретациях в Чехии, ФРГ¹¹, странах — республиках бывшего СССР¹².

В частности, А.П. Гуськова и С.С. Пономаренко указывают, что «страны СНГ уделяют внимание вопросам сокращения судебного следствия. Например, статья 237 УПК Республики Беларусь¹³ закрепляет право суда в ряде случаев после допроса обвиняемого ограничиться исследованием лишь тех доказательств, на которые укажут стороны, либо объявить судебное следствие законченным и перейти к судебным прениям в случае признания обвиняемым своей вины и с согласия сторон»¹⁴.

Уголовно-процессуальный закон Латвии¹⁵ (далее — УПЗ Латвии) также допускает вынесение приговора без исследования доказательств.

Усеченный порядок судебного разбирательства установлен Уголовно-процессуальным кодексом Украины¹⁶ (далее — УПК Украины) при наличии соглашения о примирении между потерпевшим и подозреваемым или обвиняемым (п. 1 ч. 1 ст. 468 УПК Украины) и заключении соглашения между прокурором и подозреваемым или обвиняемым о признании виновности (п. 2 ч. 1 ст. 468 УПК Украины). В обоих случаях процессуальная экономия достигается за счет

исключения стадии исследования доказательств.

Следует отметить, что упрощенные порядки судопроизводства в российском праве имеют и национальные корни.

Ряд авторов в этой связи обратили внимание на положения, имевшиеся в Русской правде, определявшие правила признания лица виновным в XI–XII вв.¹⁷ Например, признание лицом своей вины в краже освобождало истца от дальнейшего расследования и виновный, будучи предьявлен судьей, прямо подвергался наказанию¹⁸.

Следует обратить внимание и на Краткое изображение процессов и тязб 1715 г.¹⁹, в котором «законодатель указывал на условия, при которых признание могло быть положено в основу приговора: полнота и безоговорочность признания; добровольность признания, которое должно быть сделано перед судьей; обвиняемый должен не только признать факты, но и в какой-то мере доказать признаваемые положения... Считая, что при соблюдении указанных условий будет достигнута истина, законом разрешалось прекратить судебное следствие и перейти к вынесению приговора»²⁰.

В одной из своих работ В.В. Пятин отмечает, что «сокращенная процедура предусматривалась Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. для рассмотрения нетяжких дел мировым судьей, а впоследствии — и путем судебного приказа. Кроме того, сюда можно отнести сокращенное судебное следствие, осуществляемое в общем порядке судебного разбирательства, и заочное производство в суде первой инстанции»²¹. При этом «суд мог перейти к

¹⁰ Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 5–6.

¹¹ Волеводз А.Г., Литвишко П.А. Упрощенное (ускоренное) уголовное судопроизводство в некоторых странах Европы // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 43.

¹² Гуськова А.П., Пономаренко С.С. Об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предьявленным ему обвинением по российскому уголовно-процессуальному закону // Российский судья. 2002. № 10. С. 18.

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.; одоб. Советом Республики 30 июня 1999 г. СПб., 2001.

¹⁴ Гуськова А.П., Пономаренко С.С. Указ. соч. С. 18.

¹⁵ Уголовно-процессуальный закон Латвии // URL: www.pravo.lv/likumi/29_upz.html

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Украины // URL: www.ollective.at.ua/load/kodeksy_ukrainy/ugolovno_processualnyj_kodeks_ukrainy_2012_skachat_russkij/4-1-0-54

¹⁷ См., напр.: Глухов Д.В. Исторические предпосылки возникновения института особого порядка судебного разбирательства в России // История государства и права. 2009. № 11. С. 12; Рустамов Х.У., Магомедов Б.М. Некоторые исторические аспекты упрощенных производств // Юридическое образование и наука. 2008. № 2. С. 39.

¹⁸ Чернявская Т.А. Русская правда (с коммент.). Н. Новгород, 1998. С. 51.

¹⁹ Краткое изображение процессов и судебных тязб // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 831.

²⁰ Днепровская М.А. Процессуальное значение признания вины и согласия обвиняемого с предьявленным ему обвинением в истории науки российского уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 111.

²¹ Пятин В.В. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предьяв-

заключительным прениям сторон, не производя дальнейшего судебного исследования, если не возникало сомнений в искренности признания подсудимого»²².

Интересной с точки зрения истории представляется приказная система судебного разбирательства, существовавшая в России с 15 июня 1912 г. Однако, в отличие от современного института особого порядка, заявительным являлся не сокращенный порядок рассмотрения уголовного дела, а, наоборот, общий «...согласие с обвинением и наказанием обвиняемый выражал не до вынесения приказа, а после — в недельный срок, по получении копии приказа, обвиняемый был вправе просить судью о судебном разбирательстве дела. В случае незаявления в указанный срок такой просьбы приказ приобретал значение вступившего в законную силу судебного приговора»²³.

Советский период развития уголовного процесса также не остался в стороне от использования усеченных процедур уголовного судопроизводства. Например, «в соответствии с ч. 1 ст. 282 УПК РСФСР 1923 г., если подсудимый соглашался с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признавал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, суд мог не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // СУ. 1923. № 7. Ст. 106. С. 48.). Закрепленное в ст. 360–365 УПК РСФСР производство в дежурной камере народного суда также одним из условий к рассмотрению дела в дежурной камере (в ускоренном порядке) устанавливало признание обвиняемым вины»²⁴.

В более поздний советский период «сокращенный порядок судебного производ-

ства был исключен из уголовного процесса. Свое применение он нашел в ходе судебной реформы — это институты сокращенного судебного следствия в суде присяжных (1993–2002 гг.) и производство у мирового судьи (2000–2002 гг.)»²⁵.

Таким образом, особый порядок судебного разбирательства, используемый в уголовном процессе России, несмотря на ряд общих черт с американской «делкой о признании», не является производной этого способа разрешения уголовного конфликта. Сокращенная форма рассмотрения уголовных дел в соответствии с правилами главы 40 УПК РФ, имея национальные традиции и аналогии с усеченными порядками ряда европейских стран, является в виде, представленном в российском законодательстве, институтом континентальной системы права.

Литература

1. Вандышев В. В. Уголовный процесс: общая и особенная части: учеб. для юрид. вузов и факультетов. М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2010. СПС «КонсультантПлюс».
2. Волеводз А.Г. Упрощенное (ускоренное) уголовное судопроизводство в некоторых странах Европы // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 38–41.
3. Ганичева Е. Особый порядок судебного разбирательства // Законность. 2006. № 9. С. 47–50.
4. Глухов Д.В. Институт особого порядка судебного разбирательства и схожие правовые институты, применявшиеся в истории государства и права России в XVIII — XX вв.: сравнительно-правовой анализ // История государства и права. 2009. № 19. С. 28–30.
5. Глухов Д.В. Исторические предпосылки возникновения института особого порядка судебного разбирательства в России // История государства и права. 2009. № 11. С. 11–15.
6. Гуськова А.П. Об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по российскому уголовно-процессуальному закону // Российский судья. 2002. № 10. С. 18–19.
7. Давид Р. Основные правовые системы современности: пер. В.А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1998. 400 с.
8. Днепровская М.А. Процессуальное значение признания вины и согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением в истории науки российского уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 110–115.
9. Ищенко Е.П. Какая истина нужна в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. 2008. № 1. СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Пятин В.В. Указ. соч.

ленным ему обвинением // Военно-юридический журнал. 2007. № 8. СПС «КонсультантПлюс».

²² Ганичева Е. Особый порядок судебного разбирательства // Законность. 2006. № 9. С. 47.

²³ Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. (Цит. по: Глухов Д.В. Институт особого порядка судебного разбирательства и схожие правовые институты, применявшиеся в истории государства и права России в XVIII–XX вв.: сравнительно-правовой анализ // История государства и права. 2009. № 19. С. 29.)

²⁴ Карницкий Д.А., Строгович М.С. Уголовно-процессуальный кодекс: пособие для правовых вузов. М.: Сов. законодательство, 1934. С. 109–110. (Цит. по: Глухов Д.В. Указ. соч.)

10. Карницкий Д.А. Уголовно-процессуальный кодекс: пособие для правовых вузов. М.: Сов. законодательство, 1934. 161 с.
11. Краткое изображение процессов и судебных тяжб // Законодательство Петра I. М.: Юрид. лит., 1997. С. 824–841.
12. Погодин С.Б. Некоторые актуальные проблемы применения особого порядка судебного разбирательства в состязательном уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. № 9. С. 61–65.
13. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Г.А. Лерман, 1913. 337 с.
14. Пятин В.В. Нужно ли военнослужащему признавать себя виновным или достаточно согласиться с предъявленным обвинением? // Военно-юридический журнал. 2008. № 1. СПС «КонсультантПлюс».
15. Рустамов Х.У. Некоторые исторические аспекты упрощенных производств // Юридическое образование и наука. 2008. № 2. С. 39–42.
16. Рябинина Т.К. Особый порядок судебного разбирательства как одна из сокращенных форм уголовного судопроизводства // Российский судья. 2004. № 9. С. 20–23.
17. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 5–14.
18. Торкунов М.А. Порядок принятия судебного решения, предусмотренный главой 40 УПК РФ, нуждается в совершенствовании // Право в Вооруженных силах. 2008. № 4. СПС «КонсультантПлюс».
19. Уголовно-процессуальный закон Латвии: принят Сеймом 21 апреля 2005 г.: обнар. Президентом государства 11 мая 2005 г. // URL: http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html
20. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одоб. Советом Республики 30 июня 1999 г. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. 602 с.
21. Уголовно-процессуальный кодекс Украины: принят Верховной Радой Украины 13 апреля 2012 г. // URL: http://collective.at.ua/load/kodeksy_ukrainy/ugolovno_processualnyj_kodeks_ukrainy_2012_skachat_russkij/4-1-0-54
22. Чернявская Т.А. Русская Правда (с коммент.). Н. Новгород: Нижегородская ВШ МВД России, 1998. 431 с.
23. Шамардин А.А. К вопросу о правовой природе особого порядка судебного разбирательства и проблемах его совершенствования // Российский судья. 2005. № 10. С. 13–16.

Судебная система Российской империи в эпоху реформ: региональный аспект. Рецензия на монографию: Воропанов В.А. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М.: Юрлитинформ, 2016. 456 с.

*Почекаев Роман Юлианович,
профессор, заведующий кафедрой теории и истории
права и государства Санкт-Петербургского филиала
Высшей школы экономики,
кандидат юридических наук, доцент
ropot@mail.ru*

Judicial System of the Russian Empire in the Reforms Era: Regional Aspect. Review of Monograph: Voropanov V.A. Court and Justice in the Russian Empire Province in the Second Half of the 18th Century (as Exemplified by Areas of Volga Region, Ural, Western Siberia, and Kazakhstan)

*Pochekaev Roman Yu.,
Professor, Head of the Department of Theory and History
of Law and State of the Saint Petersburg Branch
of the Higher School of Economics,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

Рецензируемая книга хронологически охватывает переломный период в истории России, когда императрица Екатерина II предприняла попытку проведения существенных изменений в самых различных сферах правоотношений — от центральных ведомственных структур до расширения прав различных сословий и развития органов местного самоуправления¹.

Автор рецензируемой книги Виталий Александрович Воропанов, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафе-

дрой государственного управления и правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала РАНХиГС, в течение ряда лет плодотворно занимается исследованием проблем суда и правосудия в Российской империи. По данной тематике им опубликовано большое количество статей и текстов докладов, представленных на научных мероприятиях, а также ряд монографических исследований. Рецензируемая книга представляет собой существенное дополнение к результатам его предыдущих исследований.

По выражению самого автора, «определяется разработкой комплекса малоизученных вопросов и применением методов широкого спектра гуманитарных наук» (с. 4). И если со второй составляющей можно не согласиться (поскольку междисциплинарный подход на сегодня является, пожалуй, наиболее распространенным при проведении историко-правовых исследований), то первая — и в самом деле свидетельствует не просто о новизне, но можно даже сказать и об уникальности монографии. Впервые в

¹ См., напр.: Глазов Ю.В. Сословная политика Екатерины II в отношении купечества // История государства и права. 2012. № 3. С. 19–20; Ефремова И.Н. Становление и развитие городских судов в Российской империи (XVIII — первая половина XIX в.) // История государства и права. 2008. № 11. С. 80–86; Мигунова Т.А. Правовой аспект общинного самоуправления в период правления Екатерины II // История государства и права. 2004. № 1. С. 55–58; Петров Ю.И. Проблемы реформирования местных органов финансового управления в России во второй половине XVIII столетия // История государства и права. 2015. № 2. С. 3–7.

историко-правовой науке рассматриваются проблемы судебных реформ и их реализации в эпоху Екатерины II и Павла I на уровне отдельных регионов Российской империи. При этом автор в значительной степени сосредотачивается даже не на содержании реформ, а на их обеспечении, включая кадровое и организационное обеспечение деятельности судов различного уровня, «управление кадрами», социальный состав и профессиональный уровень чиновников, осуществлявших судебные полномочия.

Одним из самых важных достоинств рецензируемой работы, на наш взгляд, является привлечение большого числа архивных материалов, в том числе касающихся профессиональной деятельности отдельных лиц. В результате реформа суда и ее реализация «в провинции Российской империи» представлена (как и в предыдущих работах В.А. Воропанова) не в виде какой-то абстракции, а как результат деятельности конкретных людей — с их собственным уровнем знаний, компетентности, культурными и правовыми ценностями и пр. Характеристика и анализ деятельности, в частности конкретных губернаторов, позволяют подтвердить уже сложившееся в науке мнение о том, что Екатерина II обладала способностью подбирать себе деятельных помощников, которым делегировала порой весьма широкие полномочия в пределах их ведения. Именно это, на наш взгляд, и дает основание считать исследование принципиально новым в рамках тематики, в общем-то достаточно широко изучавшейся и ранее.

В главе 1 «Реформирование судостроительства в царствование Екатерины II и Павла I» (с. 5–106) автор как бы «плавно погружает» читателя в тематику своего исследования, начиная с вопросов общеполитических, социальных и религиозных реформ, а затем уже переходя к области суда и правосудия. Тем самым В.А. Воропанов наглядно показывает, что преобразования в судебной сфере являлись частью более широкого комплекса реформ, интегрированных Екатериной II, и были органично интегрированы в ее план изменений имперской системы власти и управления. При этом, несмотря на в общем-то обзорно-панорамный характер главы, автор нашел возможность сразу же использовать ценные архивные документы наряду с опубликованными текстами юридических памятников. Правда, стоит отметить, что В.А. Воропанов, возможно, не-

сколько злоупотребляет обширными цитатами из правовых текстов, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи, Сборнике Императорского Русского исторического общества и т. д. (см., например, с. 6, 7, 11, 14, 16–17, 18 и далее).

В главе весьма ярко показано сохранение принципа сословности судов Российской империи и даже его расширение — вплоть до создания специальных судов для представителей отдельных профессий, например оружейников (с. 51). То есть речь идет едва ли не о «кастовости» общества Российской империи. Вместе с тем автор прослеживает последовательную интеграцию «инородцев» в российское судебное пространство — при сохранении определенных элементов национальной и религиозной специфики. Также автор обращает внимание на проводимую в рассматриваемый период имперскую политику стимулирования иммиграции, в частности по привлечению в Россию выходцев из Средней Азии («ташкентцев» и «бухарцев») с организацией для них особого порядка судебного разрешения споров (с. 71). Трудно найти вопрос, который был бы столь же актуален в наши дни!

Завершая обзор первой главы, нельзя не отметить, что ее географические рамки существенно превышают заявленные В.А. Воропановым в подзаголовке «Поволжье, Урал, Западную Сибирь и Казахстан». В главе довольно широко характеризуются особенности судебной деятельности в центральных губерниях Российской империи, на Украине (с. 26) и в Новороссии (с. 55–59), в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (с. 75, 85–87), на Кавказе (с. 96) и т. д. Полагаем, впрочем, что анализ ситуации в этих регионах в рамках обзорной главы 1 вполне оправдан и позволяет вписать судебную систему регионов, которые подробно исследует автор, в общую схему производимых по всей империи преобразований в области суда и правосудия. Правда, не очень понятно при этом, почему и в последующих главах (уже непосредственно относящихся к предмету исследования и, следовательно, предполагающих существенное сужение географических рамок до регионов, прямо указанных в подзаголовке) автор монографии остается верен этому принципу и по-прежнему упоминает об особенностях организации суда и судопроизводства в самых разных регионах империи. Так, в главах 2–6 наряду с Повол-

жем, Уралом, Западной Сибирью и Казахстаном продолжают упоминаться, например, Выборгская губерния (с. 164), Ревель, Рига (с. 195), Орел, Смоленск, Кострома, Галич, Тула (с. 236, 238, 240, 244). А последняя, шестая, глава включает анализ суда и правосудия не только у калмыков («Поволжье») или казахов (соответственно, «Казахстан»), но и «горские народы», которые, насколько нам известно, также не имели прямого отношения к регионам, обозначенным В.А. Воропановым в подзаголовке монографии. Возможно, автору книги при таком подходе не следовало бы вообще использовать конкретизирующий подзаголовок «географического» характера. С другой стороны, как следует из его же книги, если бы он даже и ограничился только этими регионами, анализ которых сделал целью своего исследования, то книга оказалась бы не менее ценной, а тема — не менее раскрытой: специфика Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана достаточно ярко выражена в монографии, чтобы можно было сделать соответствующие выводы об особенностях развития суда и правосудия в этих регионах — тем более с привлечением многочисленных ценных архивных материалов, касающихся именно этих «провинций» Российской империи.

Глава 2 «Правовое регулирование надзора в сфере судопроизводства и организационного обеспечения деятельности судов» (с. 107–151), на наш взгляд, наглядно демонстрирует как достоинства, так и недостатки подчинения судебных органов руководству администраций соответствующего уровня. С одной стороны, оно обеспечивало жесткий контроль и централизованную иерархичную систему, в значительной степени повышавшую эффективность надзора в судебной сфере. С другой же — влекло для губернаторов и даже генерал-губернаторов необходимость вникать в тонкости процессуальных правоотношений, чтобы объективно оценивать деятельность и судебных институтов в целом, и отдельных судебных чиновников, в частности. Причем в ряде случаев вплоть до проверки явки судей на рабочее место (с. 125–126)! Все это в значительной степени противоречило попытке создания чуть ли не самостоятельной ветви судебной власти, предпринятой Екатериной II, и развитию системы прокурорского надзора, но при этом являлось весьма характерным для общих принципов орга-

низации власти и управления Российской империи в рассматриваемый период.

Глава 3 «Кадровая политика в судах общей подсудности, законодательное регулирование статуса судей, судебных представителей и канцелярской службы» (с. 152–204) представляет весьма интересный и содержательный анализ не только уровня подготовки судебных чиновников различного уровня, но и общего состояния судебной (и даже в целом чиновной) культуры. Чего стоит, например, довольно забавный (с точки зрения современного читателя) указ Екатерины II 1762 г. о недопустимости использования бранных выражений в судебных актах — на том основании, что в них упоминается имя самой императрицы (с. 152). В последующих главах автор вновь обращается к этой тематике, представляя примеры весьма грубых взаимоотношений между судебскими чиновниками разного уровня, что порой приводило и к судебным искам одних против других (с. 222, 242).

Весьма важным представляется также наблюдение В.А. Воропанова о том, что инкорпорация судей в систему чинов «Табели о рангах» юридически подразумевала их подчинение администраторам соответствующего уровня (с. 153). Также автор отвечает тому, поднятому в главе 1 об интеграции кочевников Поволжья и Уральского региона в имперскую судебную систему (с. 168).

Глава 4 «Управление кадрами государственной гражданской службы в судах общей подсудности на Урале и в Западной Сибири» (с. 205–225) вызывает некоторое недоумение. На наш взгляд, она является прямым продолжением предыдущей главы (как по заглавию, так и по содержанию) и имеет все основания быть объединенной с ней (а отчасти и с последующей, пятой). Возможно, автор собирался в предыдущей главе показать особенности кадровой политики в судебной сфере по всей Российской империи, а в данной — конкретизировать свои наблюдения на примере Урала и Западной Сибири? Но такой подход, во-первых, опять же несколько противоречит подзаголовку монографии, во-вторых, и в главе 3 основу исследования составляют материалы о судебной системе именно этих регионов. Небольшой объем этой главы также дает основание полагать, что автор по какой-то причине прибег к искусственному разделению одной тематической главы на две с це-

люю увеличить общее количество глав монографии.

Глава 5 «Состав судебных представителей городских и сельских сословий и социальная среда осуществления правосудия: опыт сравнительно-сопоставительного анализа» (с. 226–308), на наш взгляд, является едва ли не самой ключевой в монографии, поскольку в большей степени, чем остальные, отражает специфику судебной системы в регионах, которые анализирует автор. Причем объем информации в этой главе настолько велик и разнообразен, что вот ее-то как раз и можно было бы разделить на две! Именно в главе 5 дается характеристика особенностей организации и деятельности «провинциальных» судов, сравнение регионов (губерний) в процессе реализации преобразований в процессуальной сфере, включая такие проблемы, как затягивание внедрения изменений, национальное представительство в судебных структурах и т. д. Проблемы уровня подготовленности судебных чиновников к профессиональной деятельности, взяточничества, вынесения несправедливых решений и т. п. представлены не на уровне абстрактных статистических сводок, а на конкретных примерах, позволяющих в ряде случаев проследить судьбу того или иного чиновника, рост или, напротив, прекращение его карьеры в зависимости от проявленных качеств и предпринятых действий и т. д.

Глава 6 «Судебно-правовая политика верховной власти в отношении казахского, калмыцкого и горских народов» (с. 309–352), на наш взгляд, стоит в монографии несколько особняком. И в первую очередь потому, что автор при ее написании отказался от исследования тех специфических аспектов, которые столь мастерски раскрыл в главах 2–5, и вновь предпочел до некоторой степени обзорный характер изложения материала. Можно было бы даже предположить, что она является излишней (если не принимать во внимание, что в подзаголовке упоминается «Казахстан»). Однако нельзя не отметить, что вопросы участия представителей различных национальностей (в т. ч. и кочевых народов Поволжья и Казахстана) в управленческой и судебной деятельности в Российской империи составляют отдельное направление исследований В.А. Воропанова², что, вероятно, и предопределило

включение главы такого содержания в монографию. Да и во введении к рецензируемой монографии автор прямо отмечает, что «степные и горские народы» были поставлены «в юрисдикционную зависимость от органов „краевых“ администраций» (с. 3). По мере ознакомления с главой читатель приходит к выводу не только о целесообразности, но и необходимости ее включения в данную монографию, поскольку она показывает, что политика преобразований в судебной сфере распространялась не только на внутренние регионы в империи, но и в значительной степени на ее «национальные окраины». Тем не менее нельзя не отметить, что характеристика суда и правосудия у казахов, калмыков и горских народов в большей степени является описательной, нежели аналитической, и в этом отношении глава 6 также существенно отличается от предыдущих глав монографии. А ведь у автора были все возможности для сохранения прежнего подхода — он также опирается на документальные материалы (в том числе и архивные), старается отмечать особенности правовых воззрений конкретных администраторов и т. д. Возможно, для более полного раскрытия темы, заявленной для главы 6, автору следовало бы привлечь большее число опубликованных документов о Казахстане в период пребывания его в составе Российской империи — обширные подборки таких документов публиковались в 1960-е гг., большой массив документов по данной тематике был введен в оборот современными казахстанскими учеными уже в начале XXI в.

Вместе с тем «описательный» характер главы 6 отнюдь не означает отсутствие в ней ценных авторских наблюдений. Так, весьма обоснованно В.А. Воропанов отмечает, что оренбургский генерал-губернатор О.А. Игельстром прямо противопоставлял свою «дипломатичную» по отношению к казахам политику жесткому курсу одного из своих предшественников — И.И. Неплюева (с. 325). Также автор приходит к выводу о последовательности распространения преобразований на кочевых подданных империи — с учетом особенностей их политической и правовой культуры, языка, религии (с. 349).

История государства и права. 2012. № 7. С. 13–16; Его же. Осуществление юрисдикционных функций в башкирском сословии в первой половине XIX века // История государства и права. 2014. № 16. С. 3–7.

² См., напр.: Воропанов В.А. Этнорелигиозный аспект сословных выборов в Российской империи (конец XVIII — первая половина XIX в.) //

К нему же примыкает и отраженное уже в заключении наблюдение о том, что Павел I (как известно, во многом пересмотревший политику своей матери) в полной мере следовал ее курсу в отношении интеграции кочевников в имперское правовое пространство (с. 361).

Приложения к монографии (с. 363–434), несомненно, представляют собой и самостоятельную ценность, поскольку содержат публикации юридических памятников, относящихся к тематике монографии, и позволяя читателю самому сформировать представление об особенностях реализации преобразований в судебной сфере на востоке России в рассматриваемый период. Нельзя не отметить, что из 83 правовых документа, прилагаемых к монографии, лишь 10 были ранее опубликованы, тогда как остальные фактически вводятся В.А. Воропановым в научный оборот. С точки зрения любознательного читателя, впрочем, остается посетовать, что не все архивные материалы, привлеченные автором для написания книги (в том числе из РГАДА и ГАОРО), были опубликованы в приложении и, в частности, практически нет документов, касающихся судебной реформы в Казахстане.

Библиографический список (с. 435–452) включает 230 наименований и демонстрирует прекрасное знание автором библиографии исследуемой проблематики — от работ XIX в. до новейших исследований, включая статьи в периодических изданиях и сборниках материалов конференций. Весьма важным представляется активное привлечение не только московских или петербургских изданий, но и работ, опубликованных в других регионах России, а также и в странах ближнего зарубежья (в частности, в Казахстане), без их использования автору вряд ли удалось бы в такой полной мере раскрыть выбранную тему и отразить специфику организации и деятельности суда «в провинции». Впрочем, список источников и литературы мог бы быть больше, поскольку по какой-то причине в него вошли не все работы, на которые В.А. Воропанов ссылался в тексте монографии. Например, мы не находим в библиографическом списке впервые упомянутого на с. 7 издания «Челябинская старина. Документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века...» (Челябинск, 2005). Аналогичным образом отсутству-

ют в списке работы В.И. Лествицына «Открытие Ярославской губернии в 1777 году» (Ярославль, 1877, впервые упомянута на с. 12) и В.Н. Шишонко «Пермская летопись с 1263–1881 гг. Четвертый период. С. 1676–1682 г.» (Пермь, 1884, впервые упоминается на с. 19). Не вошли в список также и «Материалы по истории Башкирской АССР» (1936–1960 гг.) и «Материалы по истории Казахской ССР» (1940 г.), которые сам же автор упоминает во введении как используемые в своем исследовании (с. 4). Также, возможно, целесообразно было бы включить в список ряд работ, относящихся к тематике исследования, например монографии В.И. Колесника «Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках» (М., 2003), содержащую немало ценных сведений об организации суда у калмыков в рассматриваемый период, и Н.С. Лапина «Деятельность О.А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е — 1790-е гг.)» (Астана, 2012), в которой весьма подробно рассматриваются реформы этого администратора в казахском Младшем жузе. Аналогичным образом для последней главы рассматриваемой нами работы бесполезной оказалась бы монография Д.В. Васильева «Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII — первая половина XIX в.» (М., 2014).

В заключение считаем необходимым отметить, что высказанные выше замечания носят субъективный характер и ни в коей мере не преследуют цель понизить общий высокий научный уровень рецензируемой книги. Несомненно, новая монография В.А. Воропанова является оригинальным исследованием, освещающим малоизученные аспекты организации и деятельности судов в провинции Российской империи. Книга является весьма ценным вкладом в изучение истории российского суда и судопроизводства, а также истории государства и права России в имперский период в целом. При этом ценная информация фактического характера и доступный язык изложения делают монографию полезной не только для исследователей-правоведов и историков, но также и для студентов, которые еще только изучают историю отечественного государства и права или процессуальное право России.

Литература

1. Воропанов В.А. Осуществление юрисдикционных функций в башкирском сословии в первой половине XIX века // История государства и права. 2014. № 16. С. 3–7.
2. Воропанов В.А. Этнорелигиозный аспект сословных выборов в Российской империи (конец XVIII — первая половина XIX в.) // История государства и права. 2012. № 7. С. 13–16.
3. Глазов Ю.В. Сословная политика Екатерины II в отношении купечества // История государства и права. 2012. № 3. С. 19–20.
4. Ефремова И.Н. Становление и развитие городских судов в Российской империи (XVIII — первая половина XIX в.) // История государства и права. 2008. № 11. С. 80–86.
5. Мигунова Т.А. Правовой аспект общинного самоуправления в период правления Екатерины II // История государства и права. 2004. № 1. С. 55–58.
6. Петров Ю.И. Проблемы реформирования местных органов финансового управления в России во второй половине XVIII столетия // История государства и права. 2015. № 2. С. 3–7.

Масса и правовая идеология

*Исаев Игорь Андреевич,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

Статья посвящена актуальной теоретико-правовой проблеме — действительно властным и правовым механизмам в условиях массового общества. Масса, как политический фактор, определяет характер современного государства, хотя сам факт «восстания масс» имел место в более ранние исторические периоды. Правовая система реагирует на новые вызовы общества, формируя институты, нормы и идеологию, соответствующие времени. Особое внимание в статье обращено на соотношение таких феноменов, как «массовое общество» и «национальное государство». В исторической ретроспективе дается обзор развития государственно-властных и правовых структур в индустриальном и постиндустриальном обществе.

Ключевые слова: государство, право, наука, правосознание, правовая идеология, легальность, правопорядок, власть, правовой институт, правовая техника, легитимность.

Mass and Legal Ideology

*Isaev Igor A.,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law
University (MSAL), Doctor of Law, Professor*

The article is devoted to topical theoretic legal problem — acting power and legal mechanisms under mass society conditions. The mass as a political factor determines the character of modern state, although the fact of “mass uprising” itself was in place in earlier historical periods. The legal system responds to new challenges of the society by forming institutes, regulations, and ideology that corresponds to the time. In the article, special attention was paid to correlation of such phenomena as mass society and national state. In historical retrospective, is provided the review of development of state power and legal structures in industrial and postindustrial society.

Key words: state, law, science, legal conscience, legal ideology, legality, law and order, power, legal institute, legal technique, legitimacy.

В своей знаменитой работе Элиас Канетти отмечал такое свойство массы, как ее склонность к установлению абсолютно-

го равенства. Ради этого люди превращаются в массу, все требования справедливости и все теории равенства черпают свою энергию

из переживания равенства, которую каждый по-своему знает по массовому чувству¹.

Направление, общее для всех участников, усиливает ощущение равенства: общая цель уничтожает все частные цели. Масса отрицает иерархии и установленные общезначимые дистанции: все, что их порождает, воспринимается как угроза, и церемонии, ритуалы, границы должны быть разрушены.

В духе контрреволюционеров XIX в. Ипполит Тэн писал о Декларации прав 1789 г.: «...большинство ее статей являются метафизическими догмами, абстрактными определениями, аксиомами более или менее буквалистскими, т. е. более или менее лживыми. Они достаточно пусты и красноречивы, наполнены многочисленными смыслами... Эти статьи предназначены скорее для утяжеления аппарата, чем для эффективного употребления, они составляют декор, бесполезный, напыщенный и громоздкий»². (Еще Кант оспаривал правомочность достаточно абстрактной статьи, устанавливающей расплывчатое понятие права «на сопротивление угнетению», и фактически оправдывал обязательное подчинение конкретно существующим диктатуре и закону.)

Всякая революция, упраздняя традиционные древние установления, упраздняет их как абсурдные и «приводящие к смятению», и заменяя их другими, собственного изобретения, утверждает, что именно они и создают превосходный порядок: «...в этом и заключается смысл священной фразы, употребляемой революционерами всех времен, когда они, освящая вызванное ими смятение, называют его новым порядком вещей»³.

Бунт, восстание, революция представляют собой акты разрядки, которая создает массу в подлинном смысле слова. Это момент, когда масса освобождается от различий и все ее члены чувствуют себя равными. В такой ситуации масса начинает ощущать себя единством, «народом», «классом». «В тесноте, где ничто не разделяет... каждый близок другому как самому себе. Это миг облегчения. Ради этого мига счастья, когда каждый не больше и не лучше, чем другой, люди соединяются в массу». Но это — лишь миг и иллюзия: почувствовав себя равными,

люди не становятся равными на самом деле и навсегда.

Демократический принцип народного представительства, т. е. «политический критерий количества и чистой массы» (Ю. Эвола), способствует обособлению политически активного меньшинства от общей массы и порождает специфический тип властвования — бонапартизм. Масса в этой ситуации выполняет роль «социальной инерции», сохраняющей образовавшуюся властную структуру.

Появившегося в этой ситуации правителя «бонапартистского» типа можно считать «квинтэссенцией демократического режима»; его деспотизм как бы выражает волю «всемогущего народа», управляющего собой и подчиняющегося самому себе: здесь всякий политик одновременно и деспот, и поклонник народа. Добившись народного одобрения, формулу «воля народа», «воля революции» или «диктатура пролетариата» используют для ограничения и ликвидации индивидуальных прав, которые поначалу связывались с демократической идеей. Романтический культ героев придал фигуре вождя преимущественно индивидуалистические и натуралистические черты; харизматический тип власти полностью сосредотачивался на индивидуальных и врожденных качествах вождя (традиция, идущая от «Государя» Макиавелли), и такая тенденция сводила всю коллективную и индивидуальную жизнь к ее чисто материальному и физическому уровню, т. е. строила свое господство на технике: «...за извращенной мистикой, наделяющей правителя харизмой», стояло почти демоническое совершенство техники, использующей средства контроля над бессознательными силами масс⁴. (Эмиль Дюркгейм называл «коллективным возбуждением» действие силы, которая целиком захватывает индивида и перемещает его в «иной мир», при этом сила эта вполне реальна и возникает как эффект от объединения индивидов в коллектив.)

Национальное единство также ассоциировалось с массой и являлось массовым символом, поскольку несет на себе характерные для массы черты: плотность, потенциал, рост, открытость в бесконечное, неожиданность или крайнюю стремительность образования, своеобразный ритм, внезапность развязки (Э. Канетти). И именно на-

¹ Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 22–24.

² Цит. по Бенуа А. Против либерализма. М., 2010. С. 355.

³ Кортес Д. Очерк о католицизме, либерализме и социализме // Сочинения. СПб., 2006. С. 312.

⁴ См.: Эвола Ю. Люди и руины. М., 2002. С. 84–86.

ционалистическое воодушевление больше, чем какое-либо другое, способствовало триумфу революций и диктатур (П. Ла Рошель). Само слово «диктатура» уже в XIX в. оказалось заряженным и «зараженным якобинской жестокостью и наполеоновским коварством», и последующие авторитарные режимы сделали как бы извечной реальностью и сам «деспотизм» (уже опробованный доминиканцами, иезуитами и масонами — этими внутренними орденами). Этот же дух проник и в сферу авторитарного социализма («диктатура пролетариата»), однако «один только класс не только не может осуществлять диктатуру, но и довести революцию до точки, в которой она сгущается и застывает в виде диктатуры»⁵. (Победителем в революции никогда не бывает «отдельный класс», ведь «буржуазия» — это только слово, а увлечь всех вперед может только «кровь, только идея, ставшая телом и духом» (О. Шпенглер).)

Приспособление идей XVIII в. к духу XX в. было делом либерализма и демократии, чьи теории дали преобладающему большинству народа общее название «третьего сословия», сделав заодно социалистическую идею привилегией «четвертого сословия». Но настоящий «авторитарный социализм» был чужд и духу либерализма, и демократии: «Прусский инстинкт, — подчеркивал Шпенглер, — говорил: власть принадлежит целому, отдельное лицо ему служит. Целое — настоящий суверен, король же — только первый слуга государства. Каждому отводится предназначенное ему место, приказывают и повинуются — это и есть авторитарный социализм»⁶. (Все единичное в свете этого является только паллиативом, но целое — там, где оно задумано политически зрело и становится традицией, объединяется чуть ли не в новый порядок, почти что в новое право (Ханс Фрайер).)

Еще Шопенгауэр утверждал, что мораль — это отрицание действительности физического мира, ибо природа сама по себе зла и скрыла корень зла в индивидуальности, в любви к себе. Чтобы разрушить зло, нужно отказаться от индивидуальной жизни. Но моральная анархия и моральный индифферентизм питаются этой идеей, напроць забывая о солидарности.

⁵ Ла Рошель. Фашистский социализм. СПб., 2001. С. 84.

⁶ Шпенглер О. Прусская идея и социализм // Пессимизм ли это? М., 2003. С. 145.

Единая власть, мыслимая лишь как разновидность монархии, способна распределяться и иерархизироваться по всему пространству политического единства: здесь еще Платон наметил основные координаты грядущей империи. Масса, заполняющая это пространство, приобретает черты нации, связанной кровью и совместным существованием. Нация станет сувереном позже, когда масса, ее составляющая, освоит способ политического бытия, независимо от его формы. Руссо вполне допускал совместимость народоправства с такими политическими формами, как аристократия или монархия, поскольку народный суверенитет сам по себе невозможно представить субстанционально: и отсюда был один шаг по направлению к «тоталитарной демократии», — демократия ведет к неизбежной политизации нации, а ее проблемы предполагает решить путем возрождения авторитарных методов: условный же характер демократии («большинство правит только потому, что оно большинство») недоступен пониманию масс, поэтому Юлиус Эвола пессимистически определял демократию как «регрессивное, сумеречное явление».

В сердцевине же настоящего государства должен лежать «принцип авторитета и трансцендентный символ верховной власти», и естественным олицетворением такого символа могут быть только монархия или «авторитарный конституционализм», преодолевающие в себе расслабляющий миф правового государства. Ведь в основе всякого права лежат отношения силы, и власть, из которой рождается право, обязана вмешиваться в случае необходимости и с целью устранить или изменить действующие структуры и институты.

Реальное государство формируется и определяется преимущественно на основе идеи, а не натуралистических и договорных факторов: не договорные отношения, а «узы верности и послушания, свободного подчинения и чести» составляют основу всякого государства. Большинство здоровой нации не должно заниматься политикой; лозунг «политизация масс» неприемлем для системы, основой которой является триада «авторитет, порядок, суверенность»⁷. Массы в политике — не субъект, а объект. При этом они слепо верят в цифры и число: «Если система власти организует статистический

⁷ Эвола Ю. Фашизм: критика справа. М., 2005. С. 46–47.

порядок, то массы втайне заботятся о статистическом беспорядке» (Ж. Бодрийяр). Маршировать в толпе — это значит поддаваться иллюзии правильности; хотя народ и стремится к благу, но не знает, в чем оно заключается (Руссо). Во всем сложном масса видит только слабость и обман. Легитимность политической власти для нее, по сути, иллюзорна, поскольку массы всегда ориентированы на предпочтения элит, полагал М. Вебер. Масса всегда готова к «прямому действию» и уничтожению индивидуально и изысканного, но истинные мотивы и механизмы власти скрываются от массы, ибо в «глубинном смысле они отталкивающие» (Руссо).

Масса — тот аноним, который задает направление событиям, и одновременно объект этого движения. В ней господствует механическая закономерность, историческое и механическое движение встречаются в ней и идут параллельно, формируя все более строгий автоматизм: границы образования масс и технического прогресса здесь совпадают. Техника становится организацией процесса потребления, посредством которого масса направляется к состоянию минимума, вера в прогресс является религией массы; в ней и рождается, по выражению Ницше, «идеальный раб».

Ориентированное на технику политическое мышление создает особенный «миф машины», представление о том, что машина по своей природе совершенно непреодолима и одновременно полезна. «Эти магические черты завораживают и тех, кто распоряжается „мегамашиной и ее массовых жертв“. Современное „суверенное государство“ в этой связи представлялось увеличенным и отвлеченным аналогом «боготворимого царя», а такие установления, как человеческие жертвоприношения и рабство, укрупненные в масштабе, стали еще более властными в своих требованиях»⁸.

Ритуальный порядок, принимающий форму бюрократической регламентации, создает ритмику рутины и бесконечного повтора, соответствующую внутренней инертности массы. Люди скапливаются в центрах эксплуатации, из которой они сами извлекают пользу, одновременно являясь и ее объектом: «Масса — этот „человек без тела“ — возвращается к стихии. В массе вид-

на механическая сторона необходимости. Ее скопление, ее бесформенное сгущивание происходит по законам гравитации, является следствием механизированных потребностей». Такие общества, расширяясь, идут навстречу своему разрушению, — всасывая и поглощая, они приближаются к точке «величайшей скудности», в которой все их задания и вся их негативность теряют смысл. (Всякая воля фундирована в материях, которые могут быть априорны, если они не ценностные качества, в соответствии с которыми определяют себя базисные содержания воли: «поэтому воля ни в малейшей степени не определена „чувственными состояниями чувства“» (М. Шелер).)

Лишенность истории и судьбы — конечная цель эвдемонического социального, его сокровенное желание — избавление от страданий и трагедии жизни. Поэтому путь массы идет мимо исторического, назад к стихии — в ней она хочет раствориться, лишиться формы и всех исторических определений, в которых сокрыта боль жизни. Она видит в страдании одну только бессмыслицу и хочет жить без боли; но здесь выражается ее тоска по смерти, которая является для нее чистым ничто. Такая тоска способствует еще большему разворачиванию механики с ее автоматизмом, человек стремится болезненно раствориться в безыдейной машинерии.

«Сегодня нет ничего более современного, чем борьба против политического», — заявлял Карл Шмитт в самом начале 1920-х гг. Современное государство становится экономико-технологическим большим предприятием. Политическое исчезает в экономическом и технико-организационном, с одной стороны, и за «философско-историческими банальностями вечного разговора» — с другой. «В обоих случаях обходят сердцевину политической идеи, притязательное моральное решение»⁹.

С технико-организационной точки зрения, закон — это то, что служит техническим целям. Проникнув в правовые структуры — законодательство, управление и правосудие — это мышление подменяет закон техническими предписаниями и постановлениями или деформирует его смысл путем опять же технического толкования. Выступая против «строгого закона» в пользу «справедливого закона», этот тип мышле-

⁸ Мамфорд Л. Миф машины. М., 2001. С. 265.

⁹ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 97.

ния борется с юридическим формализмом и императивностью закона, поддерживая более «демократические» и техничные «диспозитивные законы», поскольку само техническое предписание является одновременно диспозитивным и каузальным. Кажется, что это техническое вторжение направлено на борьбу со всем, что пребывает в состоянии покоя, постоянства и стабильности. Техника наносит свой собственный удар по равновесию.

И все же масса, которая прежде всего ассоциируется с состоянием инертности и неподвижности, оказывается первым политическим союзником и спутником технического прогресса; там, где он мощнее всего представлен, дальше всего заходит процесс образования массы как социально-политического феномена: масса пассивна, механически подвижна и легко поддается организуемому воздействию.

Технический разум только создает видимость «строгой объективности», но не может скрыть своих действительных властных устремлений. Высокому уровню развития техники соответствуют механистические теории человека: в обиход входят такие выражения, как «государственный аппарат», «юридический аппарат», «экономический аппарат» — вся действительность начинает восприниматься как «аппарат», не нуждающийся в категории «свободы»: это и означает мыслить «социально».

Масса порождает тип «мегамашин», рождение которой может быть отнесено к временам древности. Для ее возникновения требовались две вещи: надежная организация знания о естественных и сверхъестественных вещах и разработанный порядок отдачи приказов и выработки норм. В новейшее время, несмотря на попытки скрыть человеческие составляющие и религиозную идеологию под маской машинизации, властная роль «жречества» и чиновничества остается ведущей в процессах общественного и государственного управления. Бюрократия, способная к передаче и выполнению приказаний с «ритуалистической педантичностью жреца и бездумным послушанием солдата», становится важнейшим элементом «мегамашин»¹⁰.

Технический разум, однако, не способен остановить нарастание слепой стихийности. На поверхность выходят темные и

опасные силы. Автоматизм, который воспитывается в человеке, не просто приучает его к безвольному функционированию, но и ломает его внутреннее сопротивление, под маской упорядочивания отнимает у него всякую самостоятельность и дает мощный импульс процессу образования массы¹¹.

Социальность превращается в массовость, а политическое — в технику; когда масса и машина выходят на историческую арену, тогда уже начинается новая эпоха.

Еще макиавеллизм начал превращать политическое в технику. Абсолютный государь и меркантилизм прокладывали путь экономическому способу мышления и политическому состоянию, находящемуся в «точке неразличности между диктатурой и анархией». Вместе с механистической картиной мира в XVII в. развивались государственный властный бюрократический аппарат и соответствующий ему метод объективации общественных отношений: господство политиков стало рассматриваться как необъективное, хотя всякое политическое предполагало наличие вариативной идеи, так как нет политики без авторитета, а авторитета — без этоса убеждения¹². Теперь все взоры были обращены к неподлинному, подражанию и имитации (реклама, пропаганда также рассчитаны на подражание). Признаком человека, который действует уже не спонтанно и активно, а только реагирует на действия, становится то, что он теперь везде нуждается в представителях: «над массой начинают господствовать и служить ей ложные актеры». Ложный актер отрицает себя в качестве актера, он не желает, чтобы в нем видели актера: его средства — роли, его роли — подражание (Ф. Ницше).

«Где народ цел, там нет идеологии»: в нечистом воздухе, как воздух идеологии, он не мог бы долго существовать. Актер-идеолог изобретает его, ибо это и есть одна из его жизненных потребностей, — идеологический нигилизм господствует над XIX в. и стремится всех заковать в свои системы (это остро почувствовали Х. Чемберлен, а затем и Карл Мангейм). Даже анархизм оказывается честнее, грубее, хотя и бездуховнее, но и он является лишь подвидом общего нигилизма, задающего направление жизни.

¹¹ Юнгер Ф. Совершенство техники. М., 2001. С. 139–140, 198–199.

¹² Шмитт К. Римский католицизм. С. 121–122.

¹⁰ Мамфорд Л. Указ. соч. С. 262–263.

Кроме экономических ситуаций, других вообще не наблюдается, и социальный вопрос выходит на первый план: все экстремисты, все радикалы оказываются только актерами. Все вокруг кажется отравленным. Нарастают страх, ненависть, недоверие. Ищут ответственных и виновных, ответственность перекалывают друг на друга по кругу (Х. Зедльмайр), наружу вырывается неприкрытая жестокость¹³.

«Зависть объясняет и пристрастие к конституциям, которые позволяют приходить к власти в результате выборов, а справедливость зависит от воли случая. Именно она объясняет увлечение парламентаризмом, который получил власть над государством и дает возможность профессионалам и некомпетентным людям избираться в органы власти».

Зависть к силе — отталкивающая черта либерализма. Либерализм — это выражение общества, которое больше не является общностью: либеральный человек упустил смысл, который был заложен в обществе при его возникновении, поскольку порвал с традицией¹⁴. Он отказался от ответственности и вызывает разложение повсюду, где требуется придерживаться обязательств. В противоположность консерватизму, который всегда опирался на силу человека, либерализм строится на человеческих слабостях, и ему свойственен протагоровский релятивизм: «противоположные утверждения в одинаковой степени ценны». (А. Токвиль заметил, что «демократия скорее склонна к консерватизму, чем к революционным изменениям» и что публичные дебаты здесь не только дискуссия, сколько «диалог глухих», а процесс принятия решения превращается в изобретение проволочек, не государство исполняет волю или решение народа, но народ решает, чего достигает или к чему стремится государство»).

Общество — это, во-первых, господство, а это, следовательно, и принуждение, определенное отчуждение («предоставленность продукту собственного ума — трагический парадокс договора о господстве»), конфликт и изменение: подумав об обществе, думают о господстве, т. е. об официальном установлении норм и об управлении ими. «Исторически наиболее убедительно такое представление об обществе, при ко-

тором мы прорываемся сквозь идеологию тех, кто в конкретном случае господствует, и рассматриваем реальные структуры... Политически же лишь именно такое представление об обществе и приводит к образованию институциональных конструкций»¹⁵. (Жак Рансьер видит в политике основанное на разногласиях «обозначение разделения осязаемого, используя которое, господство навязывает осязаемую очевидность своей легитимности; демократии как парадоксальной власти тех, у кого нет права осуществлять власть».)

Отказ от «политики чести» имеет потребность в помощи провидения, которое лучше, чем испытывающие ностальгию по героической эпохе, видны пути реализации. «Предел — это, как у Аристотеля, точка, где самодисциплинирование политического становится похожим на деспотизм, на господство той „покровительственной власти, сама снисходительностью которой зависит от того, что она может безмятежно господствовать, оставляя общество в состоянии равенства, удовлетворения частных интересов и саморегуляции страстей“»¹⁶.

Случайность, столь характерную для реальности, массы не желали признавать и были предрасположены скорее ко всему идеологическому, объясняя факты, как простые примеры законов, и отвергая случайные стечения обстоятельств, предполагая «всеобъемлющую силу, которая должна лежать в основе каждого случая. Этим осуществлялся уход от реальности в фиктивный мир, свободный от противоречий» (Х. Арендт).

Массы и техника неразрывно связаны между собой. Масса пассивна, механически подвижна и легко поддается организующему воздействию, для нее характерны прежде всего искусственность существования и зависимость от пополнения извне: с массой связывается прежде всего понятие о тяжести, давящем гнет и зависимости, механическом автоматизме.

Ментальное воздействие власти на массу, таким образом, может быть представлено как почти механическое. Сочетание телесности и духовности в этих процессах соответствует другому сочетанию: репрессивности и позитивности действия власти. Если масса выступает как гигантское «те-

¹³ Юнгер Ф. Ницше. С. 211–214.

¹⁴ Ван дер Брук А.М. Миф о вечной империи и третий рейх. М., 2009. С. 184–185.

¹⁵ Дарендорф Р. Тропы из утопии. М., 2002. С. 457.

¹⁶ Рансьер Ж. На краю политического. М., 2006. С. 44.

ло», то власть, направленная на него, может рассматриваться как «продуктивная», поскольку она формирует действия индивидов и использует их телесные силы в своих целях. Эти цели доводятся до сознания массы в виде «идей-правительниц», составляющих «тело» идеологии.

Идеология представляет для массы обобщенную и вульгаризированную форму одновременно веры и знания; в союзе с техникой идеология заимствует у нее громадные силы, направляя их, благодаря организации и «аппарату», на достижение одной цели. Идеологию и «аппаратуру» (К. Ясперс включал в это понятие как технические, так и органические составляющие) отличают системность и законченность, когда дело идет о подчинении человека механической организации.

Литература

1. Бенуа А. Против либерализма. М., 2010. С. 355.
2. Ван дер Брук А.М. Миф о вечной империи и третий рейх. М., 2009. С. 184–185.
3. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М., 2002. С. 457.
4. Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 22–24.
5. Кортес Д. Очерк о католицизме, либерализме и социализме // Сочинения. СПб., 2006. С. 312.
6. Рошель Ла. Фашистский социализм. СПб., 2001. С. 84.
7. Мамфорд Л. Миф машины. М., 2001. С. 262–263, 265.
8. Рансьер Ж. На краю политического. М., 2006. С. 44.
9. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 97.
10. Шпенглер О. Прусская идея и социализм // Пессимизм? М., 2003. С. 145.
11. Эвола Ю. Люди и руины. М., 2002. С. 84–86.
12. Эвола Ю. Фашизм: критика справа. М., 2005. С. 46–47.
13. Юнгер Ф. Совершенство техники. М., 2001. С. 139–140, 198–199.

Ретроспектива концептуализации политико-правовых взглядов отрицания государственного суверенитета в западной традиции

*Хабиров Радий Фаритович,
заместитель начальника
Управления Президента Российской Федерации
по внутренней политике,
кандидат юридических наук
niippg@mail.ru*

В статье раскрываются наиболее значимые и системные взгляды западных исследователей, которые заложили основу критического отношения к государственному суверенитету. Автор связывает начало концептуализации политико-правовых взглядов отрицания государственного суверенитета с современными дискуссиями о признании самого его существования, делимости и неделимости, соотношении суверенитета и юрисдикции государственных органов. В работе анализируются взгляды Г. Прейса, Г. Еллинека, Л. Дюги, Г.Д. Гурвича, которые каждый по-своему, но в целом критически относились к государственному суверенитету. В основу ретроспективного анализа были положены также работы российских современников названных авторов, а также тех ученых, которые занимаются данной проблематикой в настоящее время. Теории отрицания государственного суверенитета на заре их становления, по утверждению автора, имели под собой весомые основания необходимости сдерживания агрессии государств, защиты населения от тирании и всего мирового сообщества от глобальных угроз. Автор приходит к выводу о том, что все проанализированные в работе взгляды в той или иной мере стали своего рода прологом к современным теориям отрицания государственного суверенитета, ревизионистским тенденциям в теории государства и права, международном праве и в системе международных отношений.

Ключевые слова: суверенитет, теории отрицания государственного суверенитета, история зарождения политико-правовых взглядов на отрицание суверенитета, западные концепции.

Political Legal Views Conceptualization Retrospective in Respect of State Sovereignty Negation in Western Tradition

Khabirov Radiy F.,

Deputy Head of the Domestic Policy Directorate of the President of the Russian Federation,

Candidate of Legal Sciences

The article depicts the most significant views of western researchers, who created the basics of critical relation to state sovereignty. The author connects the beginning of conceptualization of political and legal views on negation of state sovereignty with modern discussions of recognition of its existence, separability or inseparability, correlation between sovereignty and jurisdiction of state organs. The article analyses the views of H. Preuss, G. Jellinek, L. Duquit, G.D. Gurvitch, who esteemed sovereignty rather critically. The basis of retrospective analysis involves works of Russian authors as well as works of the authors, who work on this problematic at present. The author states that theories of negation of sovereignty at dawn of their appearance had significant grounds of deterrence against aggression of states, protection of citizens against tyranny and global threats. The author concludes that all views analyzed in his work became a preface to modern theories of negation of state sovereignty, revisionist tendencies in theory of state and law, international law and foreign relations.

Key words: *sovereignty, theories of negation of state sovereignty, history of the origin of political and legal views on negation of state sovereignty, western conceptions.*

Наиболее дискуссионные вопросы суверенитета связаны с признанием самого его существования в современном мире, делимости и неделимости, противоречивой оценкой соотношения суверенитета и юрисдикции государственных органов. Объяснительные, модельные дискуссии не столь остры как те, которые сконцентрированы на факте самого существования суверенитета.

Теории отрицания государственно-го суверенитета не складывались стихийно и имели под собой весомые основания сдерживания агрессии государств, которые активно вмешиваются, в том числе военным участием, в дела своих ближайших и отдаленных соседей, защиты населения от тирании и всего мирового сообщества от глобальных угроз, исходящих от стран-изгоев. Перечень оснований ширился, и риторика, а затем и аргументированные позиции все больше давали поводов сомневаться в оправданности непреложности суверенитета в качестве безусловного гаранта от стороннего вмешательства.

Наиболее последовательную аргументацию типа «contra» начала XX в. мы встречаем у Гуго Прейса, автора Конституции Веймарской Республики, критика которой со стороны нацистов в том числе основывалась на «ненемецком» происхождении самого Прейса. Критика его позиции в советское время строилась еще и на том, что Г. Прейс, опасаясь развития подобия якобинского террора, сопутствующего революционным преобразованиям, в обозначен-

ном им самим выборе между В. Вильсоном и В.И. Лениным, между демократией и «жестоким русским фанатизмом», был последовательным сторонником развития первого сценария¹. Его русофобская авторская позиция не прошла незамеченной. В интерпретации И.Д. Левина суверенитет для Г. Прейса был несовместим ни с международным публичным, ни с национальным государственным правом и должен был кануть в Лету как понятие минувшей эпохи абсолютизма². По заверениям современных российских исследователей проблем суверенитета, в которых они единодушны с отечественным теоретиком-правоведом и государствоведом начала XX в. Н.М. Коркуновым, отрицание Г. Прейсом³ понятия суверенитета было связано также с тем, что в действительности, по его убеждению, не было ни одного суверенного государства, обладаю-

¹ Preuss H. Volksstaat oder verkehrter Obrigkeitsstaat? (14. 11. 1918), in: Staat, Recht und Freiheit, Tübingen 1926 (ND Hildesheim 1964), S. 367; цит. по: Möller H. Die nationalsozialistische Machtergreifung. Konterrevolution oder Revolution? // Vierteljahrshette für Zeitgeschichte. 31 Jahrgang. Heft 1. 1983. S. 29.

² Левин И.Д. Суверенитет / предисл. д-ра юрид. наук, профессора С.А. Авакьяна. М.: Юридический центр «Пресс», 2003. С. 31.

³ Иногда, думается, его неверно называют Гуго Прайсом. Правильно, полагаем, с учетом норм немецкого языка в части имен собственных и аутентичного перевода на русский язык вообще именовать его Уго Прейсом, но все-таки в российской юридической литературе он больше известен как Гуго Прейс.

щего безусловной, безграничной властью⁴. Однако Г. Преис не отрицал суверенитет как таковой, поскольку, представляя проект закона о государственной власти в Национальном собрании 8 февраля 1919 г., он провел параллели революционных событий 1848–1849 и 1918–1919 гг. и отметил примат Конституции от суверенитета нации, заявив также, что Германия является единой, а «империя правит по воле людей, с участием всех ее подразделений»⁵. В современной времени работы Г. Преиса России по вопросу реализации суверенитета в сложных государствах имелись две точки зрения: А.С. Ященко писал, что суверенитет в федеральном государстве принадлежит ни местной, ни центральной, а исключительно общегосударственной власти, которая складывается из согласованных решений местных и центральных властей⁶, в то время как Н.М. Коркунов считал, что хотя «отдельные государства, входящие в состав союзного государства, и подчинены союзной власти, и ограничены ею в своей компетенции, они все-таки остаются государствами, пока в пределах собственной компетенции остаются самостоятельными»⁷. Сомнения о необходимой принадлежности признака суверенитета государству и признание обоснованности точки зрения о суверенных и несuverенных государствах (Laband, Jellinek) не означали, что Н.М. Коркунов хоть сколько-нибудь усомнился в традиционном подходе к определению государства. Примечательно, что, по словам Гуго Преиса, сторонники концептуальной возможности существования несuverенных государств утверждали реализацию этой возможности в государствах-членах союза⁸ и эта же идея

повторяется как допущение у Н.М. Коркунова, который в этом вопросе вроде бы концептуально расходится во мнениях с Г. Преисом, но на примере великого княжества Финляндии решает его по факту, «можно ли или нет признать в нем существование самостоятельной власти»⁹. Не стоит забывать, что в теоретических основаниях своего труда в части рассмотрения темы государства Н.М. Коркунов опирался на фундаментальную работу Г. Преиса «Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskörperschaften» (1889). С утверждением Гуго Преиса (Н.М. Коркунов называет его Гуго Пройсом) о том, что нет в действительной реальности суверенных государств, поскольку «власть каждого государства в действительности ограничена и обусловлена: извне — зависимостью его от международного общения, изнутри — от разнообразных общений, из которых оно само слагается», тем не менее Н.М. Коркунов полностью соглашается¹⁰.

В целом теории отрицания государственного суверенитета в основном имеют рамочный характер: либо не признается имманентность такого признака государства, как суверенитет, ведутся дискуссии о суверенности государств, образующих союзы и пр., т. е. обосновывается возможность существования несuverенных государств (немецкие конституционалисты конца XIX — начала XX вв. Георг Мейер, Пауль Лабанд и Георг Еллинек), либо с футуристических позиций прогнозируется отмирание государства как единственно возможной организации политической власти в обществе и приход на смену ему какого-либо иного образования (марксистско-ленинская теория), либо суверенитету находят альтернативу по типу иного, например по Леону Дюги, основания публичной власти — осуществление социальной солидарности. Необходимо отметить, что в российской теоретико-правовой традиции укоренилось критическое отношение к подобным позициям.

Наибольшую популярность в отечественной теоретико-правовой мысли получили труды Г. Еллинека и Л. Дюги, работы которых были переведены на русский язык и изданы еще в дореволюционной России. Тем не менее не следует рассматривать Г. Еллинека в качестве того, кто недооцени-

⁴ Галимова А.Ш. Учение о суверенитете в трудах ученых-юристов «школы естественного права» и политических мыслителей XVII–XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

⁵ Brandt P. Hugo Preuss — Der Verfassungspatriot // IEV-Online 2009, Nr. 5 S. 1. S. 1–8.

⁶ Ященко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. С. 320.

⁷ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Медушевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 317.

⁸ Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskörperschaften. Versuch einer deutschen Staatskonstruktion auf Grundlage der Genossenschaftstheorie von Dr. Hugo Preuss. Springer-Verlag Berlin Heidelberg GmbH 1889. S. 5.

⁹ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 255.

¹⁰ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 4-е изд. СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартьянова, 1897. С. 238.

вал значение суверенитета для современных ему государств и в исторической ретроспективе. Именно ему удалось подметить особенности развития складывающихся в то время теорий о делимости государственной власти и суверенитета и внести ясность в существо вопроса. Отмечая традиционность смешения понятий «государственная власть» и «суверенитет» для теорий того периода, Г. Еллинек справедливо заметил, что в действительности речь может идти только о делимости государственной власти, определяющей содержание суверенитета. Разделяемая Г. Еллинеком позиция о принадлежности суверенитета исключительно государственной власти, а не конкретным государственным органам¹¹, на волне его аргументации стала определяющей. Сама идея была уже не нова и, как справедливо отмечают исследователи творческого наследия Г. Еллинека, правильный путь ему указал Гербер, доказавший, что суверенитет не есть государственная власть, а лишь ее свойство¹². Впрочем, заявленный тезис о том, что суверенитет не есть существенный признак государственной власти, Г. Еллинек отстаивал достаточно последовательно. Ключ в обосновании этой позиции Г. Еллинек видел в том, что суверенитет необходимо понимать как явление историческое, и на материале истории средневековых государств он констатировал, что их подчиненность церковной власти не позволяла допускать суверенитета. Иными словами, средневековые государства, по Г. Еллинеку, не были суверенными, но государствами уже являлись¹³. В подобном контексте решался вопрос о современных Г. Еллинеку союзными государствами. Признавая факт существования суверенных и несуверенных государств, Г. Еллинек отличал их, как и союзы государственные от негосударственных, уже не по свойству суверенитета, а по способности к самоорганизации и автономии¹⁴. В то же время, как отмечают исследо-

ватели, согласно терминологии Г. Еллинека, «союзная власть», которую сегодня называют политической и / или государственной, делится на простую союзную власть, имеющую дисциплинарный характер, и господствующую власть — ту, которая не выносит сопротивления. Собственно политические признаки отражаются в функционировании господствующей власти. Господство у Г. Еллинека — это тот критерий, который отличает союзную, то есть политическую власть от всех разновидностей власти в обществе¹⁵.

Отдельно стоит остановиться на взглядах Л. Дюги в той части, которая позволила И.Д. Левину отнести его к числу ярых противников суверенитета¹⁶. Рассуждая об истинном кредо французского теоретика права, конституционалиста Леона Дюги, М. Дюверже отмечает, что тот в своих изысканиях уже приближается к пропаганде, которая «служит главным образом для того, чтобы убедить управляемых в том, что их правительство является лучшим из всех возможных и что благодаря ему они живут счастливо, гораздо счастливее, чем при любом другом правительстве...»¹⁷. Как пропагандистская тенденциозность по оценке М. Дюверже, так и отрицание суверенитета, вменяемое в вину Л. Дюги И.Д. Левиным, представляется, были вызваны общим солидаристским подходом Л. Дюги, который видел основной элемент социальной связанности во всех современных ему цивилизованных обществах в солидарности и разделении труда и отстаивал необходимость классового мира, выраженного в формуле добрососедства индивидов: «Каждый человек, каждая группа людей, будь то верховный диктатор страны или самый скромный подданный, будь то правительство или всемогущий парламент, или скромное сообщество, должны выполнять известную задачу в той обширной мастерской, которой является общественный организм»¹⁸. Учитывая рассмотрение суверенитета с позиции клас-

¹¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. Издание второе, исправленное и дополненное по второму немецкому изданию С.И. Гессеном. СПб.: Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1908. С. 354, 365.

¹² Чернов С.Н. Георг Еллинек о свойствах государственной власти и современные взгляды на суверенитет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки, 2004. № 2. С. 6.

¹³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 355–357.

¹⁴ Еллинек Г. Указ. соч. С. 358.

¹⁵ Бульбенюк С.С. Основні проблеми політичного дискурсу влади // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2010. № 3. С. 178.

¹⁶ См.: Левин И.Д. Указ. соч. С. 20.

¹⁷ Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Социология власти. 2011. № 3. С. 216.

¹⁸ Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона. / пер. М.М. Сиверс, предисл. А.Г. Гойхбарг. М.: Государственное издательство, 1919. С. 21, 22.

совой сущности государства через призму марксистско-ленинских сентенций об антагонизме классов пролетариата и буржуазии и непреложности классовой борьбы, оценка И.Д. Левиным идей Л. Дюги в период написания им фундаментальной для отечественной юридической науки монографии о суверенитете не могла быть иной, но тем не менее по существу критика имела более чем веские основания. В оценке суверенитета Л. Дюги не стеснялся в выражениях, называя идеи суверенитета и личности государства ложными и опасными, прогнозируя развитие общества по направлению к экономическому и чиновничьему синдикализму и критикуя коллективистскую школу за попытки сохранить личное и суверенное государство, констатировал смерть или предсмертное состояние последнего¹⁹. По мнению Л. Дюги, идея суверенитета, оправданная в период становления государства и революций, рассматриваемая в то время как вечная догма, теряет свои основания. По выражению исследователя, идеи, на которых были основаны концепция государственного суверенитета и естественного права личности, исчезают²⁰. Л. Дюги последовательно проводит идею противоположности суверенитета и ответственности, по существу отождествляя суверенитет и безответственность, выдавая желаемое за действительное: якобы суверенитет умер внутри публичного права, но «сохраняется в сознании французских судов, когда дело доходит до внешних отношений. Но и здесь ему суждено умереть»²¹.

Одним из последовательных и успешных критиков этатизма был Г.Д. Гурвич (Жорж Гурвич), который стал своего рода обратной проекцией Л. Дюги по направлению российского научного влияния уже на теоретико-правовую мысль во Франции. В этом критическом контексте им рассматривались практически все государственные институты и отдельные признаки самой орга-

низации политической жизни в обществе. Тем не менее критика Г.Д. Гурвича не лишена веских оснований и достаточно гибка. Он признает решающую роль государства в организации «правопорядка, который возникает как результат своеобразной „эволюции“ регулятивных механизмов общества от недифференцированных, синкретичных форм к формально определенным механизмам регулирования»²². Право рассматривалось Г.Д. Гурвичем в качестве одной из важнейших составляющих социальной жизни, имеющей не всегда институциональное оформление. Именно в этом контексте государство выглядело в качестве институционального учреждения права, его определенной формы реализации. Как справедливо в этой связи пишет Е.В. Масловская, право для Г.Д. Гурвича выступает в качестве аспекта социальной жизни, проявляющего «себя не только в институциональной форме, такой как современное государство, но и за пределами „официальной“ правовой системы и ее формализованных институтов — во всем многообразии социальных отношений»²³. Ключевыми в понимании соотношения государства и права Г.Д. Гурвичем следует признать тезисы об их нетождественности, отрицании качественного превосходства одного над другим и независимости одного от другого, о праве как основы государственной организации²⁴. Г.Д. Гурвич, пожалуй, одним из первых выдвинул формулу соотношения юридического и политического суверенитета, однако сделал он это в свойственном ему ключе примата международного права над внутрисоциальным: «Относительный суверенитет государства является политическим, не имеющим ничего общего с „юридическим суверенитетом“, „суверенитетом права“, который в конечном счете принадлежит международному сообществу (примат международного права)»²⁵. Примечатель-

¹⁹ Дюги Л. Общество, личность и государство. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства / пер. А. Бэта. СПб., 1914. С. 53–54; Его же. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства / пер. А. Яценко, предисл. проф. А.С. Алексева. М.: Издание Н.Н. Ключкова, тип. Вильде, 1909. С. 146.

²⁰ Duquit L. Les transformations du droit public. Paris: Librairie Armand Colin. Boulevard Saint-Michel, 1913. P. XV.

²¹ Ibid. P. 268 — 269.

²² Антонов М.В. Социология права Георгия Давидовича Гурвича // Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 218–234. URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=190011>

²³ Масловская Е.В. Право как социальный контроль: российская традиция в зарубежной социологии права // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 4. С. 9.

²⁴ Антонов М.В. Правовое учение Г.Д. Гурвича: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 19.

²⁵ Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избр. соч. / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.:

но, что в вопросах организации государственной власти в сложных государствах (на примере федерации) Г.Д. Гурвич считает необходимым достижение баланса на основе конституционного запрета федеральному центру ограничивать государственность входящих в федерацию субъектов без согласия каждого заинтересованного члена федерации. При этом, по мнению Г.Д. Гурвича, «как федеральный центр, так и государства-члены федерации участвуют в суверенитете федеративного государства на принципах равноправия»²⁶. Г.Д. Гурвич примат международного права и связанное с ним ограничение государственного суверенитета рассматривает в качестве важнейших наряду с другими составляющих движения к идее социального права как основы новой позитивной системы правовых категорий²⁷. Отсюда и критическое отношение Г.Д. Гурвича к традиционному пониманию суверенитета как монополии государственной власти на принуждение, поскольку в исторической перспективе она не была универсально привязана исключительно к государственной власти, более того, в отдельные исторические отрезки отдельные социальные группы (например, церковь) доминировали над государством. Поэтому суверенитет рассматривался Г.Д. Гурвичем не с позиции монополии, а с точки зрения преобладания²⁸.

В исторической ретроспективе Г.Д. Гурвич, опираясь на исследования Генри Самнера Мейна, отмечал диффузию суверенитета и коллективную собственность на землю ранних деревенских общин в различных цивилизациях, а на основании четырехчленного деления обществ Э. Дюркгейма соглашался с оценкой диффузии суверенитета на уровне исторически первого простого полисегментарного общества, формирующегося повторением кланов, и окончательным оформлением суверенитета как организационного начала уже только в четвертом типе общества, в котором группы индивидов объединены не в силу своих наследственных отношений, а через особый характер их социальной активности²⁹. И, наконец, обра-

щаясь к исследованиям Л. Дюги, Г.Д. Гурвич отмечает упадок государственного суверенитета в конце XIX — начале XX в., концептуализация которого ассоциировалась с роялистскими, якобинскими и наполеоновскими формами государства, и соглашается с французским социологом в том, что «эти преобразования.., как правило, показывают упадок государственного суверенитета в области публичного права и в то же время автономии воли в области частного права»³⁰. Именно в полемике Л. Дюги мы видим некоторые очертания действительных убеждений Жоржа Гурвича, который писал о том, что Л. Дюги неявно разграничивает правовой (примат одного закона над другим) и политический (государственная монополия на безусловные ограничения) суверенитет. По мнению Ж. Гурвича, при спонтанном и неорганизованном законодательстве особенно широки полномочия государства, которое играет значительную роль в правовой жизни. Сочетание этой роли и политического суверенитета приводит к неправильной идее абсолютного суверенитета. Напротив, когда изменения спонтанного и неорганизованного права инклюзивного общества дают другим (вне рамок государственной компетенции) группам возможность признать общее право, роль государства в правовой жизни уменьшается, и мы тогда говорим об «упадке государственного суверенитета». Это, однако, никоим образом не влияет на политический суверенитет, который сохраняется в пределах компетенции³¹. В современных исследованиях произошла своего рода рокировка понятий: юридический суверенитет неотъемлем, неделим и инвариантен для каждого признанного государства, тогда как ситуация с эмпирическим, политическим или фактическим суверенитетом — вопрос конкретной ситуации. Впрочем, эта идея была впервые обоснована М. Ориу, который «предложил делить суверенитет на политический и юридический. Под этим последним понималась „живая сила установленного положительного права“, т. е. его эффективность, право в действии (точно так же, как и порядок в действии)»³². В этой связи обобщения И.Д. Гурвича стали этапом развития концептуализирующей-

Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 65.

²⁶ Там же. С. 71.

²⁷ Там же. С. 80.

²⁸ Gurvitch G. *Sociology of Law*. NY: Routledge, 1942. P. 250.

²⁹ Gurvitch G. *Sociology of Law*. London: Kegan Paul Trench Trubner And Co, 2005. P. 75, 88–89.

³⁰ Ibid. P. 102.

³¹ Ibid. P. 104.

³² Исаев И.А. «Органический» правопорядок и правовой «солидаризм» // LEX RUSSICA (Научные труды МГЮА). 2008. № 4. С. 722.

ся идеи неделимости суверенитета, которая в современной отечественной теории права нередко принимается как аксиома³³.

Таким образом, концепция относительного государственного суверенитета Г.Д. Гурвича стала предшественницей многих последующих теорий его отрицания и с точки зрения исторической ретроспективы, и в контексте плюралистического подхода к властвованию и правотворчеству, и в аспекте доминирования международного права (с позиций понимания сущности права социального).

Критические взгляды на свойство суверенитета государственной власти в своей исторической ретроспективе, безусловно, берут начало много ранее — по существу с момента появления самого понятия «суверенитет», но концептуально оформляются лишь к концу XIX — началу XX в. Все эти взгляды стали своего рода прологом к современным теориям отрицания государственного суверенитета, ревизионистским тенденциям в теории государства и права, международном праве и системе международных отношений.

Литература

1. Антонов М.В. Правовое учение Г.Д. Гурвича: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 21 с.
2. Антонов М.В. Социология права Георгия Давидовича Гурвича // Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 218–234. URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=190011>
3. Бульбенюк С.С. Основні проблеми політичного дискурсу влади // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2010. № 3. С. 178–182.
4. Галимова А.Ш. Учение о суверенитете в трудах ученых-юристов «школы естественного права» и политических мыслителей XVII–XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 31 с.
5. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избр. соч. / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 848 с.
6. Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Социология власти. 2011. № 5. С. 206–217.
7. Дюги Л. Общество, личность и государство. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства / пер. А. Бэта. СПб., 1914. 73 с.
8. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона / пер. М.М. Сиверс, предисл. А.Г. Гойхбарг. М.: Государственное издательство, 1919. 110 с.
9. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства / пер. А. Ященко, предис. проф. А.С. Алексеева. М.: Издание Н.Н. Клочкова, тип. Вильде, 1909. 147 с.
10. Еллинек Г. Общее учение о государстве. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издание юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, 1908. 626 с.
11. Исаев И.А. «Органический» правопорядок и правовой «солидаризм» // LEX RUSSICA (Научные труды МГЮА). 2008. № 4. С. 719–739.
12. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Медушевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 520 с.
13. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 4-е изд. СПб.: Издание юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, 1897. 364 с.
14. Левин И.Д. Суверенитет / предисл. докт. юрид. наук, профессора С.А. Авакьяна. М.: Юридический центр «Пресс», 2003. 373 с.
15. Масловская Е.В. Право как социальный контроль: российская традиция в зарубежной социологии права // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 4. С. 6–15.
16. Марченко М.Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1. С. 186–197.
17. Чернов С.Н. Георг Еллинек о свойствах государственной власти и современные взгляды на суверенитет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2004. № 2. С. 5–14.
18. Ященко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. 842 с.
19. Brandt P. Hugo Preuss — Der Verfassungspatriot // IEV-Online 2009, Nr. 5. S. 1–8.
20. Duquit L. Les transformations du droit public. Paris: Librairie Armand Colin. Boulevard Saint-Michel, 1913. 285 p.
21. Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskorperschaften. Versuch einer deutschen Staatskonstruktion auf Grundlage der Genossenschaftstheorie von Dr. Hugo Preuss. Springer-Verlag Berlin Heidelberg GmbH, 1889. 420 s.
22. Gurvitch G. Sociology of Law. NY: Routledge, 1942. P. 250. 284 p.
23. Gurvitch G. Sociology of Law. London: Kegan Paul Trench Trubner And Co, 2005. 285 p.
24. Hugo Preuss, Volksstaat oder verkehrter Obrigkeitsstaat? (14. 11. 1918), in: Staat, Recht und Freiheit, Tübingen 1926 (ND Hildesheim 1964), S. 367; цит. по: Möller H. Die nationalsozialistische Macht-ergreifung. Konterrevolution oder Revolution? // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 31 Jahrgang. Heft 1. 1983. S. 25–51.

³³ См., напр.: Марченко М.Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1. С. 186.

Формирование современной теории происхождения государства

*Семикашев Руслан Юрьевич,
аспирант кафедры теории государства и права
Института права Башкирского государственного университета
dokorkrot@yandex.ru*

После мировых событий, произошедших в XX в., общественная мысль вновь обратила свое внимание к мирным, эволюционным мотивам развития всего человечества и отдельных стран. Получили развитие идеи о моделях государственности с правами и свободами человека как высшей ценности. В современном мире накоплено достаточно много подходов к вопросу о том, как и в связи с чем происходило государство, а отсюда накопилось довольно много представлений о том, что оно собой представляет. В теории государства появляются новые представления на проблему происхождения государства в соответствии с современным институциональным развитием общества.

Ключевые слова: государство, происхождение государства, общество, гражданское общество, правовое государство, концепция Д. Локка, концепция Г.Ф.В. Гегеля.

Formation of Modern Theory of State Origin

*Semikashev Ruslan Yu.,
Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law
of the Law Institute of the Bashkir State University*

After world events that took place in the XX century public thought emphasized on peaceful evolutionary motifs of development of all humankind and certain countries. The ideas of the state model with the rights and freedom of a man as the supreme value have developed. There are many different approaches to the issue of how the state emerged and we have accumulated a lot of notions about what it is in the modern world. In the theory of the state new notions on the problem of the origin of the state arise in accordance with the modern institutional development of the society.

Key words: state, origin of the state, society, civil society, legal state, Lock's conception, Hegel's conception.

Проблема происхождения государства не потеряла своей актуальности и в современных условиях. Более того, становление легитимного современного государства подвергается скрупулезному анализу лишь в последние годы. Особенно это относится к отечественной теории государства и права, которая до сих пор не освободилась от влияния марксистско-ленинской идеологии.

Основной целью данной статьи является исследование проблемы происхождения государства с позиции современности, то есть с учетом ценностей нового времени. Следует отметить, что в настоящее время наблюдается изменение теоретико-правовой науки, ее положений на происхождение государства, поскольку в начале XXI в. в мире, в том числе в России, происходят социальные, экономические и политические изменения.

В юридической науке вопрос о происхождении государства является одним из самых сложных объектов для исследования в силу многосторонности его проявлений. Ученые прошлого и современности полемизируют относительно этапов, основных признаков, а также иных аспектов происхождения государства.

Теория государства и права сегодня преодолевает те представления, в соответствии с которыми якобы нельзя дать четкий ответ на вопрос о происхождении государства вообще, то есть безотносительно к конкретному типу государства. С другой стороны, мы признаем, что государство, являясь юридической категорией, явление простое, поэтому унифицировать данное определение достаточно сложно. К примеру, такие понятия, как человек, общество, право, носят расширительное толкование, поэтому формирование общего представления о государстве, его происхождении, развитии относится к научной области, но не правотворческой деятельности.

Подобные базовые теории мыслителей древности, как участие граждан в управлении, определенная самостоятельность таких сфер жизни общества, как семья, религия, искусство, образование, справедливость законов и равенство прав, многие

иные, оказали влияние на теоретиков последующих эпох, закладывая фундамент понимания происхождения государства, его места, роли, функций, механизма взаимодействия с гражданским обществом.

Важную роль в становлении концепций происхождения государства играло и изменение подходов к проблеме общественного устройства, где царили бы разум, свобода, благополучие и справедливость. По мнению, Ф.М. Раянова, конкретное наполнение и развитие концепции происхождения государства как культурного, упорядоченного сообщества высшего порядка, основанного на полноправии народа, получили в трудах идеологов Нового времени: Джона Локка, Жан-Жака Руссо, их сторонников и последователей, практиков борьбы за республику и демократические конституции [1].

Так, лидер английских левеллеров Джон Лильберн отстаивал идеалы республики, избирательных прав, природных прав: свободы слова, совести, петиций, торговли, равенства перед законом и судом, иные ценности, на которых конструируется система гражданского общества и государства.

Наряду с сугубо догматической традицией в отечественной юридической науке в начале 80-х годов прошлого столетия появилось новое научное направление, сразу же попавшее под сильное влияние археологии и в меньшей степени этнографии. Начало ему было положено трудами А.Б. Венгерова, его сторонников и продолжателей, которые пытались активно осваивать достижения смежных наук. В результате в юридических учебниках появились теоретические схемы с весьма оригинальными названиями (теория специализации, потестарная теория происхождения государства и даже кризисная теория) [2, с. 102].

Т.В. Кашанина предлагает теорию специализации. Основой выдвигаемой теории происхождения государства является следующий тезис: закон специализации — это всеобщий закон развития окружающего мира. Специализация присуща миру биологии. Появление в живом организме различных клеток, а затем и различных органов — это результат специализации. Опять-таки по этой причине, т. е. в зависимости от степени специализации его клеток, организм занимает место в биологической иерархии: чем более в нем специализированы его функции, тем выше его место в биологическом мире, тем он лучше приспособлен к жизни [3].

А.С. Васильев, как отмечает А.Н. Тимонин, с точки зрения А.Г. Хабибуллина и Д.А. Ягафарова, «в наиболее развернутой форме» изложил «потестарную концепцию». Он исходит из противопоставления двух моделей исторического генезиса государства: восточной и западной. Первая модель была правилом в историческом развитии человечества, вторая — исключением [2, с. 115].

Юсти приводит различные способы происхождения государств: из отцовской, домашней власти и авторитета главы семьи; вследствие уважения и влияния, которых кто-нибудь достигал в обществе; вследствие обучения людей вещам, способствующим более удобному существованию; вследствие захвата, военного превосходства [5, с. 48].

В своей монографии «Происхождение государства как объект этагенетического анализа: очерки общей теории и методологии исследования» А.Н. Тимонин выделяет основные трактовки происхождения государства в советской и постсоветской юридической науке: «старая» классовая теория, «новая классовая» теория, потестарная теория, теория специализации, договорная (правовая) теория. Автор пишет, что большое значение в процессе познания сути государствообразования принадлежит периодизации первобытной истории вообще и этапизации этагонеза, в частности. В большинстве современных учебников по теории государства и права абсолютно доминирует археологическая периодизация истории первобытности [5, с. 54]. В.Е. Чиркин разграничивает подходы к происхождению государства и теории, пытающиеся объяснить, что такое государство. Согласно взгляду автора, существуют три основных пути эволюционного возникновения государства: военный, аристократический, плутократический, при этом на практике пути действуют в сочетании, при условии доминирования одного из них, но в целом они всегда связаны с выделением элиты как первой ступени образования государства [7]. По мнению В.Е. Чиркина, на современном этапе можно выделить пять подходов к понятию государства: теологический, классический (или арифметический), юридический, социологический и новейший — кибернетический [6]. Т.С. Касимов последовательно излагает концепции будущего государства как элемент предмета теории государства и права. Автор выделяет идеологический подход в рассмо-

трени будущего государства [7, с. 63–65]. В начале XX в. К. Каутский написал «Путь к власти», где изложил позицию относительно государства будущего, благодаря выдвигаемой теории вращающегося [8].

В.К. Самигуллин предлагает классифицировать теории происхождения государства на традиционные и современные [9]¹. Следуя представлению Р. Карнейро, теории возникновения государства делятся на два основных типа: волюнтаристские и теории принуждения. Р. Карнейро описывает политическую эволюцию на примере Перу и Амазонии, последовательно развивая теорию социальной ограниченности, в связи с насильственной теорией происхождения государства [10].

Ф. Фукуяма, исследуя проблемы современного государства, различает сильные государства, построение которых заключается в создании новых правительственных учреждений и укреплений существующих [11].

Следует отметить, что в науке существуют различные подходы к представлению о происхождении государства в контексте взаимодействия общества и государства. Одни утверждают, что государство предшествует обществу, некоторые ученые придерживаются мнения, что государство возникает одновременно с обществом, другие ученые придерживаются того мнения, что государство — это общественный институт, создаваемый гражданским обществом.

Современное правовое государство учреждается гражданским обществом для защиты прав и свобод членов гражданского общества. До учреждения государственной власти не было механизма обеспечения естественных прав человека и специального органа, занимающегося наказанием нарушителей [1, с. 81]. Следует отметить, что по схеме Гегеля государство — это то, что находится на самой вершине общественного устройства. Все остальные общественные институты появляются и функционируют под контролем государства. Действительно, идеи гражданского общества, по Гегелю, ведут к правам граждан формировать собственные организации для защиты интересов тех, кто занимается предпринимательской деятельностью. Но эти организации формируются и функционируют в рамках законов, исходящих от государства. Гражданское общество по иерархической

лестнице у Гегеля идет после государства. Государство — первичное явление, а гражданское общество — вторичное, производное от него.

В XVII в. английский мыслитель Д. Локк, разбираясь в судьбоносных волнениях, происшедших в Англии того времени, пришел к выводу о том, что не государство, а гражданское общество является источником власти. В схеме общественного устройства, следуя представлениям Д. Локка, наверху не государство, а гражданское общество. Государство является институтом гражданского общества. Государство учреждается гражданским обществом и полностью им контролируется в своей деятельности. Пределы деятельности государственной власти ограничиваются общественным договором.

Справедливо отмечено А.В. Григорьевым, что с учетом плюрализма мнений в отношении изучаемого вопроса особенно важно выяснение конкретной сущности принципов организации и функционирования предмета исследования. Автор пишет, что в науке классификация рассматривается как важнейший способ научного познания путем раскрытия внутренних и внешних связей между группами явлений и предметов, поэтому научная систематизация данных групп осуществляется, чтобы практическая деятельность людей соответствовала их объективному содержанию и требованию [12].

Рассматривая проблему происхождения государства, отметим, что современное государство является собирательным понятием, включающим в себя несколько различных толкований. На наш взгляд, понятие «современное государство» можно определить как:

- форма организации политической власти определенного общества или государства, возникшее и действующее в данный исторический период;
- обеспечивающее закрепленные конституцией или иным нормативно-правовым актом законные права и интересы граждан, или правовое государство;
- превосходящее по своему научному, экономическому потенциалу, техническим разработкам, обороне, культурному развитию;
- социально благополучное государство (выполняющее социальные обязательства, имеющее развитую инфраструктуру и т. д.).

Современным государством признается также то государство, куда стремятся люди, об этом Ф.М. Раянов много пишет, он называет такое государство практически успеш-

¹ Самигуллин В.К. Государство (общетеоретические очерки). Уфа, 2012.

ным, реализовавшим на практике функции по обязательствам перед жителями страны, в результате они становятся развитыми государствами мира, откуда люди не уезжают, где им комфортно и приятно жить. В конечном счете это может то государство, где существуют возможности реализовать личный, индивидуальный потенциал.

Д.А. Медведев в 2010 г. принял участие в мировом политическом форуме, проходившем в Ярославле. На указанной конференции были перечислены политические приоритеты современной России, а именно модернизация экономики и технологического производства. По мнению ученых, здесь впервые в общественно-политической жизнедеятельности России была поставлена проблема обновления российского государства до уровня современного [1, с. 39]. Д.А. Медведев высказал свое мнение о том, каким критериям должно соответствовать государство XXI в., каковы могут быть универсальные стандарты демократии, и назвал требования, которые считает основными. В качестве первого критерия современного государства называется правовое воплощение гуманистических ценностей и идеалов, с возможностью придания этим ценностям практической силы закона. Отметим, что в Российской Федерации провозглашение прав и свобод человека и гражданина в качестве главной обязанности государства соблюдения их как высшей ценности предопределяет необходимость совершенствования уже имеющейся правовой системы [13]. Среди других, наиболее значимых критериев перечислена способность государства обеспечивать и поддерживать высокий уровень технологического развития [13], в результате чего реализуются многочисленные проекты в сфере инновационного развития, что дает основания для различного рода межгосударственного взаимодействия и сотрудничества.

Ш.Б. Магомедов и Г.Р. Бутаев провели анализ теоретических основ государства, способного выполнять социальные функции перед обществом, в результате чего в качестве одного из признаков является обязанность непрерывно формировать условия достойной жизни и свободного развития человека посредством создания необходимой социальной инфраструктуры [14].

Таким образом, современная теория происхождения государства — это комплекс научных представлений на проблему происхождения и становления современного государства.

Мы наблюдаем развитие идей о происхождении государства, что позволяет выделить новые представления на формирование современной теории. Изучение происхождения государства носит познавательный, академический и политико-практический характер. Оно позволяет глубже понять социальную природу государства, его особенности и черты; дает возможность проанализировать причины и условия их возникновения и развития; позволяет четче определить свойственные его функции — основные направления его деятельности, точнее установить его место и роль в жизни общества и политической системе.

Литература

1. Раянов Ф.М. Теория правового государства: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 272 с.
2. Тимонин А.Н. Происхождение государства как объект этагенетического анализа: очерки общей теории и методологии исследования: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 174 с.
3. Происхождение государства и права: учеб. пособие / Т.В. Кашанина. М.: Высшее образование, 2008. 358 с.
4. Гумплович А. Общее учение о государстве. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1910. 542 с.
5. Чиркин В.Е. Основы государственной власти. М., 1996.
6. Касимов Т.С. Концепции будущего государства как элемент предмета теории государства и права // Череповецкие научные чтения-2014; отв. ред. Н.П. Павлова. Череповец, 2015.
7. Каутский К. Путь к власти / ред. Э.В. Струков, пер. Т. Ступникова и Н. Федосюк. М.: Гос. изд.-во полит. лит., 1959. 152 с.
8. Самигуллин В.К. Государство (общетеоретические очерки). Уфа, 2012.
9. Карнейро А.Р. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006.
10. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. 220 с.
11. Григорьев А.В. Современная юридическая наука о принципах организации и функционирования механизма государства / Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. Вып. 1. 2012.
12. Медведев Д.А. Выступление на пленарном заседании мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» (Ярославль, 10 сентября 2010 г.) // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/8885>
13. Магомедов Ш.Б., Бутаев Г.Р. Теоретические основы социального государства на современном этапе // Российский юридический журнал. 2012. № 1.

Советские газеты о США в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

*Шпаковский Вячеслав Олегович,
доцент Пензенского государственного университета,
кандидат исторических наук
slavashpak1@mail.ru*

*Тимошина Светлана Анатольевна,
доцент Пензенского государственного университета,
кандидат исторических наук
timoshina_svetla@mail.ru*

В статье рассматривается, каким образом советская газетная печать периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет преподносила советским гражданам информацию о США, делается вывод о посредственном и конъюнктурном характере подачи информации, подрывавшем в целом доверие населения к партийной печати.

Ключевые слова: периодическая печать, пропаганда, доверие к власти, ложь.

Soviet Papers on the United States of America in Great Patriotic War Years and Post-War Period

*Shpakovskiy Vyacheslav O.,
Assistant Professor of the Penza State University,
Candidate of Historical Sciences*

*Timoshina Svetlana A.,
Assistant Professor of the Penza State University,
Candidate of Historical Sciences*

The article examines how the Soviet newspapers of the Great Patriotic War and the postwar years were presented US for the Soviet citizens, concludes mediocre and opportunistic nature of presenting information, undermine the overall confidence to the party press.

Key words: periodical press, advocacy, trust in government, a lie.

Наверное, не было в СССР человека читающего газеты, который бы не заметил следующего факта: с началом Великой Отечественной войны СССР и подписания соответствующих соглашений о борьбе против гитлеровской Германии между СССР и Англией 12 июля 1941 г., а затем и аналогичного соглашения с США все публикации негативного характера о Западе исчезли со страниц советской прессы и картина западного мира, рисуемая советскими СМИ, в очередной раз изменилась до неузнаваемости. Отмечалось, что именно Германия — страна-агрессор, но ей противостоит могущественный союз демократических государств, включая США, что военная мощь быстро растет!¹ И если сначала она назы-

валась «растущей», то всего через неделю, она «выросла» так, что «Правды» назвала ее уже «огромной», т. е. и прямо писала, что «огромная экономическая мощь Соединенных Штатов хорошо известна»².

Советские центральные и областные газеты постоянно информировали население о расширении военного производства в США, при этом приводились цифры и детали, поражающие советских читателей своей точностью. Население СССР регулярно информировалось, что «военная промышленность США в истекшем году выпустила в 2 раза больше продукции, чем военная промышленность всех держав оси»³. Для то-

¹ Узкие места германской промышленности // Известия. 1941. 16 августа.

² Ресурсы промышленности США // Известия. 1941. 24 августа.

³ Производство вооружений в США в 1943 году // Правда. 1944. № 4. С. 4.

го чтобы убедить советских читателей в непобедимой мощи наших союзников, газеты использовали следующие цифры: «В 1943 году было выпущено 85.919 самолетов всех типов против 47.857 самолетов в 1942 году... В числе построенных в прошлом году кораблей имеются 2 линкора по 45.000 тонн водоизмещением каждый, 11 крейсеров, 15 авианосцев, 50 конвойных авианосцев, 128 эсминцев, 36 конвойных эсминцев и 56 подводных лодок». Данные о боевой мощи военных сил США⁴ продолжали публиковаться со всеми подробностями и в 1945 г.: «Морское министерство США сообщило, что флот Соединенных Штатов насчитывает 1.167 боевых кораблей, около 37 тыс. самолетов и 59.878 десантных и вспомогательных судов. Количество боевых кораблей сейчас более чем в 3 раза превышает количество кораблей в начале войны»⁵. Таким образом, советская пресса способствовала созданию вокруг США ореола могущественной в техническом отношении и высокоразвитой державы, с которым ей же самой и пришлось впоследствии бороться после войны в период преследований «низкопоклонства перед Западом»! Например, в 1943 г. появились публикации крайне оптимистического содержания о том, что «советско-американские отношения на протяжении 10 лет с момента их установления становились всё более дружественными, и американцы могут радоваться той программе дружбы с Россией, которую президент Рузвельт начал проводить 10 лет тому назад»

⁴ Военное производство в США // Правда. 1942. № 18. С. 4; Темпы производства вооружений в США // Правда. 1942. № 26. С. 4; Производство вооружений в США // Правда. 1943. № 16. С. 4; Спуск на воду нового американского авианосца // Правда. 1943. № 25. С. 4; Строительство грузовых судов в США // Правда. 1943. № 66. С. 4; Рост морской мощи Англии и США // Правда. 1943. № 122. С. 4; Рост вооруженных сил США // Правда. 1943. № 151. С. 4; Ассигнования на армию и флот в США // Правда. 1943. № 155. С. 4; Строительство грузовых летающих лодок в США // Правда. 1944. № 6. С. 4; Военные расходы США // Правда. 1944. № 13. С. 4; Постройка новых мощных военных кораблей в США // Правда. 1944. № 23. С. 4; Успехи американского авиастроения // Правда. 1944. № 42. С. 4; Производство вооружений в США в январе, Военное производство в США в феврале // Правда. 1944. № 78. С. 4.

⁵ Военно-морские силы США // Правда. 1945. № 3. С. 4.

⁶ Причем ни о какой революции, которая должна была вот-вот вспыхнуть в США, советская пресса уже не писала. Зато о том, что перспективы дружбы в послевоенное время между нашими странами весьма благоприятны, газеты сообщали теперь постоянно⁷. В целях усиления симпатий к гражданам США сообщалось, что американцы очень интересуются советской культурой⁸, восхищаются успехами советской медицины⁹ и даже стали отмечать у себя памятные для граждан СССР даты¹⁰.

Здесь, впрочем, следует заметить, что советские газеты в годы войны очень чутко реагировали на малейшие нестыковки, возникавшие на внешнеполитической арене и появление любых противоречий между СССР и США, сразу вызывавших в советской прессе публикации критического содержания. Так, в 1945 г. они вновь начали публиковать материалы о бедственном положении американских трудящихся¹¹ и только потому, что позиции наших стран не совпали по вопросам послевоенного мироустройства. Тогда на страницах «Правды» развернулась оживленная полемика по поводу книги Уолтера Липпмана «Военные цели США», в которой он выдвинул свои идеи в этой области. Согласно материалу, напечатанному в «Правде»¹², «Липпман делит мир

⁶ Десятилетие установления дипломатических отношений между США и СССР // Правда. 1943. № 283. С. 1.

⁷ Перспективы американско-советской торговли // Правда. 1944. № 38. С. 4; Митинг американско-советской дружбы // Правда. 1945. № 24. С. 4.

⁸ Рост американско-советских культурных связей // Правда. 1944. № 254. С. 4.

⁹ Американская газета об успехах советской военной медицины // Правда. 1944. № 43. С. 4.

¹⁰ Празднование в США 25-й годовщины Красной Армии // Правда. 1943. № 56. С. 4; Подготовка в США ко Дню Красной Армии // Правда. 1944. № 44. С. 4; Собрание в Нью-Йорке в честь Красной Армии // Правда. 1944. № 46. С. 4; Празднование в США 27-й годовщины Красной Армии // Правда. 1945. № 47. С. 4; Собрание в США в честь Международного женского дня // Правда. 1945. № 162. С. 4.

¹¹ Забастовка в США // Правда. 1945. № 232. С. 4; Забастовочное движение в США // Правда. 1945. № 261. С. 4; Забастовочное движение в США // Правда. 1945. № 265. С. 4; Забастовочное движение в США // Сталинское знамя. 1945. № 206. С. 2; Борьба американских профсоюзов за повышение зарплаты // Сталинское знамя. 1945. № 206. С. 2.

¹² Георгиев А. О книге Уолтера Липпмана «Военные цели США» // Правда. 1945. № 64. С. 4.

на несколько географических центров, вокруг которых чертит орбиты: одну — вокруг США и называет её „Атлантическим содружеством наций“, другую — вокруг СССР и называет её „Российской сферой“, третью — вокруг Китая; создание четвертой он предвидит в будущем в районе Индии и мусульманских стран». Так как подобная точка зрения шла вразрез с внешнеполитическими целями советского правительства, ее немедленно подвергли резкой критике. Например, журналист газеты «Правда» А. Георгиев написал о том, что «орбиты Липпмана — сплошная фикция», так как «всякая попытка строить мир без СССР и тем более против него чревата страшными последствиями для человечества». Затем «Правда» опубликовала ответ Липпмана, который, однако, был раскритикован¹³.

В печати главенствовала дуалистическая картина мира. Борьба капитализма и социализма — вот основной и решающий момент нынешнего международного положения¹⁴. Позиция США, еще недавно изображавшаяся дружественной, теперь подавалась пресой как главный источник военной угрозы и для Советского Союза¹⁵, и всех остальных государств. Так в 1947 г. «Правда» запустила в употребление выражение «гонка вооружений»¹⁶, которое не исчезало потом с газетных страниц долгие годы. В конце 1940-х гг. США изображались советскими журналистами как оплот тоталитаризма и фашизма¹⁷: «Конечно, в США ещё не про-

исходит массовых казней передовых людей, как это делается с благословения американских генералов и дипломатов, например, в Греции. Но судьба любого американца находится уже сейчас в руках откровенного фашиста Рэнкина или в руках первого попавшегося сыщика из Федерального бюро расследований»¹⁸.

В 1948 г., во время очередного экономического кризиса, если верить публикациям газеты «Правда», средний класс американского общества был на грани нищеты. В интервью советским журналистам американцы рассказывали, что рабочие ютились «в мрачных кварталах даун-тауна» и с трудом зарабатывали себе на хлеб: «В военные годы почти все кое-что отложили. Ну, а сейчас... Сейчас рабочий не только откладывает, но тратит то, что отложил про запас...»¹⁹.

В содержании публикаций о жизни в Америке проявлялась следующая закономерность: чем острее были международные отношения СССР и США, тем все хуже, согласно материалам советской прессы, жилось американским рабочим и тем ужасней были условия, в которых приходилось существовать цветному населению. С 1946 г. центральные и региональные издания регулярно печатали материалы о забастовках в США, в результате чего возникало впечатление, что эта страна находилась на грани революции²⁰. Для придания объективности создаваемой картины СМИ указывали точные цифры количества забастовщиков, которые впечатляли своим размахом: «...продолжается забастовка свыше 60 тысяч рабочих на 27 предприятий компании „Дженерал моторс“»²¹.

Центральное место на страницах газет послевоенного периода занимали публикации о «плане Маршалла»²². Хотя сама эко-

¹³ О книге Уолтера Липпмана «Военные цели США» // Правда. 1945. № 94. С. 4.

¹⁴ Стенограмма III-й Областной Партийной конференции // ОФОПО ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1876. Л. 7.

¹⁵ Милитаризация науки в США // Правда. 1953. № 182. С. 3; О международных авантюрах и защите мира // Правда. 1953. № 187. С. 3.

¹⁶ Пропаганда новой войны в США // Сталинское знамя. 1947. № 187. С. 4; Сокращение или гонка вооружений // Правда. 1947. № 132. С. 3; Гонка вооружений в США // Правда. 1952. № 8. С. 3; Новое наступление на жизненный уровень английского народа // Правда. 1952. № 31. С. 3; Подготовка к новому усилению гонки вооружений в США // Правда. 1953. № 193. С. 3.

¹⁷ Антинегритянские выступления в США // Сталинское Знамя. 1946. № 73. С. 4; Активизация деятельности террористической организации Ку-Клукс-Клан в США // Сталинское знамя. 1946. № 76. С. 4; Ку-Клукс-клан возобновил свою деятельность // Правда. 1946. № 88. С. 4; Суд над ветеранами войны в США // Сталинское Знамя. 1946. № 97. С. 4; Суд над группой негров в США //

Правда. 1946. № 138. С. 3; В США требуют принять закон против линчевания негров // Правда. 1946. № 186. С. 4.

¹⁸ Изаков Б. Америка сегодня // Правда. 1948. № 2. С. 4.

¹⁹ Перемены. Американские заметки // Правда. 1948. № 14. С. 3.

²⁰ Забастовочное движение в США // Сталинское знамя. 1946. № 110. С. 4; Забастовка горняков в США // Правда. 1946. № 112. С. 3; Забастовочное движение в США // Правда. 1946. № 121. С. 4.

²¹ Забастовочное движение в США // Сталинское знамя. 1946. № 62. С. 4.

²² План Маршалла и «Европейское экономическое сотрудничество» // Сталинское знамя. 1947. № 147. С. 4.

номическая программа помощи Европейским государствам начала действовать лишь в апреле 1948 г., советские газеты начали публиковать критические заметки о ней с 1947 г. Они заявляли, что «„план Маршалла“ сталкивается со все большими трудностями... как внутри страны, так и за рубежом»²³, критиковали эту программу, ссылаясь при этом на зарубежные источники. Для большей эффективности воздействия публикаций критические выводы об экономической программе Маршалла выносились в заголовки: «Жизненный уровень трудящихся Финляндии понижается», «„План Маршалла“ принес трудящимся Голландии обнищание». Основной задачей «плана Маршалла» было, согласно содержанию статей, разрушение экономики западноевропейских стран: «Американцы, — пишет „Юманите“, — захватят в свои руки наше имущество, наши заводы, наши товары... Что же касается народа, то ему даже при самых оптимистических подсчетах придется платить за уголь и пшеницу на 80 процентов дороже. Цена на хлеб повысится. Таков подарок „плана Маршалла“. То разрушение национальной экономики, которое уже происходит во Франции, наглядно показывает западноевропейским народам, какая участь уготована для них „планом Маршалла“, одним из условий которого и является слом валютных барьеров»²⁴. Из-за «плана Маршалла», согласно публикациям «Правды», страны Европы ждал высокий уровень безработицы: «Парижский корреспондент газеты „Берлингске афтенавис“ выражает опасение что „план Маршалла“ сможет вызвать безработицу в 16 странах, охватываемых этим „планом“. „Неотступно за планом Маршалла, — пишет корреспондент, — следует его тень, а именно: угроза безработицы»²⁵. В то же время советские граждане, согласно советским СМИ, имели изобилие товаров: «...Полки магазинов блещут всеми красками радуги. Сукно и шерсть, батист и ситец... Утром полки ломятся от товара. К вечеру кипы тканей редеют. И этак по всей нашей стране»²⁶.

²³ Американская печать о «плане Маршалла» // Сталинское знамя. 1947. № 145. С. 4.

²⁴ Вторжение доллара во Францию // Правда. 1948. № 32. С. 5.

²⁵ Угроза безработицы в 16 странах Европы // Правда. 1948. № 84. С. 3.

²⁶ Елена Кононенко. Трудовая доблесть // Правда. 1948. № 1. С. 3.

В условиях существования «железного занавеса» люди, не имевшие других источников информации, кроме публикаций советских СМИ о неэффективности плана Маршалла, приходили к выводу, что жизненный уровень на Западе действительно был ниже, чем в СССР. Причем следует добавить, что подобные иллюзии долгие годы были характерны не только так сказать простым гражданам, но и представителям творческой интеллигенции. Примером могут послужить мемуары известной французской актрисы Марины Влади. В своих воспоминаниях она описывает первый визит В. Высоцкого в ФРГ следующим образом: «В семьдесят третьем году мы едем в Западный Берлин через Польшу и Восточную Германию... Медленно, широко открыв глаза, ты проходишь мимо этой выставки невиданных богатств — одежды, обуви, машин, пластинок — и шепчешь:

— И все можно купить, стоит лишь войти в магазин...

Я отвечаю:

— Все так, но только надо иметь деньги.

В конце улицы мы останавливаемся у витрины продуктового магазина: полки ломятся от мяса, сосисок, колбасы, фруктов, консервов. Ты бледнеешь как полотно и вдруг сгибаешься пополам, и тебя начинает рвать. Когда мы, наконец, возвращаемся в гостиницу, ты чуть не плачешь:

— Как же так? Они ведь проиграли войну, и у них все есть, а мы победили, и у нас нет ничего! Нам нечего купить, в некоторых городах годами нет мяса, всего не хватает везде и всегда!

Эта первая, такая долгожданная встреча с Западом вызывает непредвиденную реакцию. Это не счастье, а гнев, не удивление, а разочарование, не обогащение от открытия новой страны, а осознание того, насколько хуже живут люди в твоей стране, чем здесь, в Европе...»²⁷.

Литература

1. Зубкова Е.Ю. Общественные настроения в послевоенной России, 1945–1953 гг.: дис. ... д-ра ист. наук // URL: www.dissercat.com/content/obshchestvennyye-nastroeniya-v-poslevoennoy-rossii-1945-1953-g
2. Известия: ежедневн. М., 1941–1944.
3. Киселёв М.В. Глава 2. Методологический анализ психологического воздействия пропаганды на

²⁷ Влади Марина. Владимир, или Прерванный полет // URL: http://www.modernlib.ru/books/vladi_marina/vladimir_ili_prervanniy_polet/read/

- массовое сознание // Психологические аспекты пропаганды. URL: psyfactor.org/propaganda5.htm
4. Методы манипуляции. Манипуляция массовым сознанием // URL: ru.wikipedia.org
 5. Отдел фондов общественно-политических организаций Государственного архива Пензенской области. Ф. 148. Оп.1. Д. 1876. Л. 165.
 6. План Маршалла // URL: ru.wikipedia.org/wiki/План_Маршалла
 7. Правда: ежедневн. М., 1923–1953.
 8. Сталинское знамя: ежедневн. Пенза, 1939–1953.
 9. Трудовая правда: ежедневн. Пенза, 1921–1930.

Генезис института самовольной постройки в дореволюционном, советском законодательстве и влияние на него судебной практики

*Мухаметзянова Лилия Минзагитовна,
начальник отдела муниципального заказа
Администрации городского округа Королёв Московской области
litu84@yandex.ru*

В данной статье автор поднимает тему генезиса института самовольной постройки в Российской империи, РСФСР и СССР с целью определения роли судебной практики в эволюционном процессе формирования правового режима самовольной постройки. Исследование особенностей правового регулирования отношений, возникающих в сфере самовольного строительства, позволило прийти к выводу, что судебная практика по делам, связанным с самовольной постройкой, начала формироваться фактически только во второй половине XX в. Это обусловлено массовым распространением самовольного строительства после Второй мировой войны. При этом судебная практика советского периода, несмотря на запрет гражданского законодательства, смогла выработать механизм легализации самовольной постройки и тем самым оказать конструктивное влияние на совершенствование законодательства (гражданского, жилищного, градостроительного, земельного) и правоприменительную деятельность в сфере самовольного строительства.

Ключевые слова: самовольная постройка, самовольное строительство, судебная практика, гражданское законодательство, Российская империя, РСФСР, СССР, Свод законов Российской империи («Свод законов гражданских»), Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., Гражданский кодекс РСФСР 1964 г.

Genesis of Institute of Unauthorized Construction in Pre-Revolutionary, Soviet Legislation and Influence of Judicial Practice on It

*Mukhametzhanova Liliya M.,
Head of the Municipal Order Department
of the Administration of the Korolev City District of the Moscow Region*

In this article, the author raises the subject of the Genesis of the Institute of unauthorized construction in the Russian Empire, the USSR and the RSFSR to determine the role of judicial practice in the evolutionary process of formation of the legal regime of unauthorized construction. Study of peculiarities of legal regulation of relations arising in the sphere of unauthorized construction, allowed to come to the conclusion that the judicial practice on cases involving unauthorized construction, began to emerge only in the second half of the twentieth century. This is due to the mass distribution of unauthorized construction after the second world war. While the judicial practice of the Soviet period, despite the ban on civil law, were able to develop a mechanism legalization of unauthorized construction, and thereby to exert a constructive influence on the improvement of legislation (civil, housing, urban planning, land and law enforcement activities in the field of unauthorized construction).

Key words: unauthorized building, unauthorized construction, litigation, civil law, the Russian Empire, RSFSR, USSR, Code of laws of Russian Empire («The code of laws civil»), the Civil code of the RSFSR 1922, the Civil code of the RSFSR of 1964.

В современных условиях институт самовольной постройки подвергается право-

вому совершенствованию. Большую роль в этом играет судебная практика. Обзор су-

дебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 19 марта 2014 г.¹, ответил на многие спорные вопросы правоприменения, возникающие при рассмотрении дел, связанных с самовольными постройками. Однако это не единственный пример в истории российского законодательства, когда судебная практика способствовала оптимизации правового регулирования общественных отношений в сфере самовольного строительства. В Российской империи, а затем и в РСФСР, СССР суды также оказывали значительное влияние на урегулирование споров в сфере самовольного строительства.

В дореволюционный период правовой режим самовольной постройки и, соответственно, судебная практика по делам, связанным с самовольной постройкой, формировались под воздействием римского частного права.

Римское частное право, не зная такого абстрактного понятия, как «вещное право», и не давая четкого определения самовольной постройки, относило нормы о самовольном строительстве к институту *superficies solo cedit* – к наследственному и отчуждаемому праву пользования объектом строительства в определенный период времени (как правило, длительный), который был возведен на не принадлежащем застройщику земельном участке. Это было следствием того, что в римском праве применялся основополагающий принцип «недопустимости двух (нескольких) прав собственности на одну и ту же вещь»².

В ст. 386 т. X ч. 1 Свода законов Российской империи («Свод законов гражданских») устанавливалось, что при принадлежности земли и строительного материала различным лицам постройка («застроение») создает право собственности в лице собственника земли, как главной вещи. Также Свод законов гражданских предусматривал, что при строительстве объекта на земельном участке, не принадлежащем застройщику, постройка считалась принадлежностью к главной вещи (земельному участку).

Стоимость строительных материалов для ее строительства подлежала возмещению только в случае добросовестности застройщика (ст. 611 т. X ч. 1).

Тем самым дореволюционное гражданское законодательство, основываясь на практике судов и институтах римского частного права, определяло право застройки по образцу римского суперфиция и самовольную постройку считало способом возникновения права собственности на застройку у собственника земельного участка после истечения срока действия договора об установлении права застройки. Право собственности на землю в Российской империи понималось как исключительное и неотчуждаемое.

Известный дореволюционный цивилист Г.Ф. Шершеневич также признавал право собственности на земельный участок первичным, отмечая, что «строение, составляя принадлежность земли, предполагается собственностью того, на чьей земле поставлено»³.

Тем самым, по нашему мнению, русское дореволюционное право, руководствуясь сложившейся практикой, определяло первичность земельного участка как первооснову среди множества иных объектов недвижимости и исходило из традиционного деления вещей на главные и принадлежности. Лицо, осуществившее строение на чужой земле, также не приобретало права на данную недвижимость. Однако о негативных правовых последствиях, уголовно-правовых или административно-правовых санкциях, кроме потери в случае недобросовестности застройщика стоимости строительных материалов, в законодательстве Российской империи речи еще не шло.

В советский период развитие правового регулирования отношений, основанное на существовавших отношениях и юридической практике, возникающих из самовольного строительства, продолжилось.

Предпосылки формирования современного правового режима самовольной постройки были заложены Гражданским кодексом РСФСР 1922 г.⁴, который в первоначальной своей редакции содержал близ-

¹ Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 19 марта 2014 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 6.

² Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М., 2008. С. 30 (автор главы — Е.А. Суханов).

³ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 2005. С. 106.

⁴ Гражданский кодекс РСФСР (прин. 31 октября 1922 г., введен в действ. Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 11 ноября 1922 г., утр. силу в связи с изд. Указа Президиума ВС РСФСР от

кую к римскому суперфицию правовую конструкцию права застройки как права владения и распоряжения строениями, возведенными на длительный срок на государственных землях.

Данный кодифицированный акт, не употребляя термин «самовольная постройка», устанавливал рамки или правила строительства на земельных участках. Постройка разрешалась, но при условии соблюдения определенных норм и правил. Согласно ст. 74 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. застройщик при возведении построек и их эксплуатации был обязан соблюдать установленные строительные нормы, а также санитарные и противопожарные правила. Строительство должно было осуществляться строго при соблюдении принципа целевого предоставления и использования земельного участка и специальных требований по возведению зданий и сооружений.

Интересно раскрывает специфику реализации права застройки в первые годы советской власти А.Г. Гойхбарг. Он пишет: «В наших условиях, когда нельзя приобрести землю в собственность, когда всякая постройка есть постройка на чужой для застройщика, государственной земле, право застройки есть не только наиболее приспособленный, но и единственно возможный способ возведения строений и сооружений частными лицами»⁵. Фактически советский ученый признает возведение самовольной постройки как основание приобретения права собственности на объекты строительства в силу сложившейся практики.

В 1927 г., считает К.И. Скловский, правило о строении как принадлежности земли было нарушено, поскольку жилищным кооперативам земля стала предоставляться в бессрочное пользование с одновременным возникновением у них права собственности на возведенные строения⁶.

В 40-е гг. XX в. в СССР начался период упорядочивания строительства. В связи с этим был принят ряд нормативных правовых актов, обязывающих субъекты соблюдать строительные, санитарные, противопожарные и иные нормы и правила, получать

разрешения на строительство. Судебная практика по делам о самовольных постройках в этот период руководствовалась нормативными указаниями СНК РСФСР.

В соответствии с п. 1 Постановления СНК РСФСР от 22 мая 1940 г. № 1940 «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках»⁷ исполнительные комитеты городских и поселковых Советов депутатов трудящихся должны были организовать через соответствующие отделы коммунального хозяйства охрану находящихся в их ведении земель от самовольного строительства. Любые субъекты, в том числе и государственные учреждения, государственные предприятия, кооперативные и общественные организации, граждане, обязаны были до начала строительства получить письменное разрешение от исполнительного комитета городского и поселкового Совета депутатов трудящихся (п. 3 Постановления СНК РСФСР № 1940).

За самовольное строительство без надлежащего письменного разрешения руководители государственных учреждений и предприятий, кооперативных и общественных организаций и индивидуальные застройщики подлежали привлечению к административной ответственности (п. 5 Постановления СНК РСФСР № 1940). Также самовольный застройщик обязывался своими силами и за свой счет снести все возведенные им строения или части строений и привести в первоначальное состояние земельный участок. В противном случае исполнительный комитет города или поселка давал распоряжение отделу коммунального хозяйства о сносе самовольно возведенного строения или части строения (п. 6 Постановления СНК РСФСР № 1940).

Тем не менее, учитывая военные и послевоенные реалии, несанкционированное самовольное строительство продолжало активно осуществляться в отдаленных от центра территориях и нередко являлось уже в послевоенное время было получение устного разрешения на строитель-

16 декабря 1964 г.) // Известия ВЦИК. 1922. № 256; Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 51. Ст. 892.

⁵ Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права. М., 1924. С. 102 // URL: <http://zakon.ru/Blogs/One/9723>

⁶ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М., 2010. С. 398–399.

⁷ Постановление СНК РСФСР от 22 мая 1940 г. № 390 «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках» (в ред. Постановления Правительства РФ от 23 июля 1993 г. № 726) // Свод законов РСФСР. 1940. Т. 4. С. 115; Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 31. Ст. 2860.

ство от исполнительных органов местной власти — городских и поселковых комитетов Советов депутатов трудящихся (порой постфактум). Соответственно, правоприменительная практика вынуждена была, с одной стороны, содействовать в реализации поставленных целей и задач в государственном управлении, а с другой — приспосабливаться к потребностям общества, часто не разрешая вопрос об ответственности виновных лиц в самовольном строительстве или его попустительстве.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 августа 1963 г. № 17/2 «О судебной практике по делам о самовольном захвате земли и самовольном строительстве индивидуальных жилых домов»⁸ указывалось, что отдельные суды республики недооценивают значение борьбы с самовольным захватом земли и самовольным строительством, суды редко выносят частные определения, направленные на устранение причин и условий, способствовавших самовольному строительству и захвату земель, и не осуществляют контроль за действенностью этих определений, ими недооценивается большое воспитательное значение проведения судебных процессов по делам о самовольном строительстве. Ввиду того, что все это ослабляет борьбу с самовольным захватом земли и самовольным строительством и в целях установления единства судебной практики, Пленум Верховного Суда РФ постановил обязать суды вести решительную борьбу с самовольным захватом земли и самовольным строительством, ликвидировать случаи несвоевременного выявления самовольных застройщиков и лиц, виновных в захвате земли, и несвоевременного направления материалов для привлечения их к ответственности (п. 1, 2 Постановления № 17/2).

Следующим этапом в развитии советского законодательства о правовом режиме самовольных построек можно назвать принятие Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.⁹,

который впервые в истории отечественной цивилистики дал понятие «самовольная постройка», но при этом лишил самовольного застройщика каких-либо прав на возведенную им постройку.

Анализ нормы ч. 1 ст. 109 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. свидетельствует, что под самовольной постройкой понималось возведение жилого дома (дачи) или его части без установленного разрешения или без надлежаще утвержденного проекта, либо с существенными отступлениями от проекта, либо с грубым нарушением основных строительных норм и правил.

При этом, как мы видим, для признания постройки самовольной достаточно было наличие одного из указанных признаков. Выявление этих признаков осуществлялось административными методами, и подача иска о признании постройки самовольной в суд не требовалась. В судебном порядке могли быть решены только вопросы о безвозмездном изъятии, зачислении в фонд местного Совета народных депутатов самовольной постройки дома и лишения гражданина, у которого она изъята, проживающих с ним лиц права пользования этим домом (дачей) (ч. 2, 3 ст. 109 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.).

Также судебная практика рассматриваемого периода ввиду пробельности гражданского законодательства была вынуждена уточнить содержание признаков самовольной постройки. Например, в преамбуле Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1977 г. № 5 «О применении законодательства при рассмотрении судами дел об изъятии домов, построенных гражданами с нарушением действующих правил»¹⁰ содержалось положение о том, что дом будет считаться самовольной постройкой, если он построен на участке земли, не отведенном для этих целей. В Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1975 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов при

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 августа 1963 г. № 17/2 «О судебной практике по делам о самовольном захвате земли и самовольном строительстве индивидуальных жилых домов» (утр. силу в связи с изд. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. № 11) // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1963. № 10; Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 3.

⁹ Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г., введ. в действ. с 1 октября 1964 г.,

действ. в ред. Закона РФ от 24 декабря 1992 г. № 4215-1, факт. утр. силу с 1 января 2008 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407; Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 4. Ст. 119.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1977 г. № 5 «О применении законодательства при рассмотрении судами дел об изъятии домов, построенных гражданами с нарушением действующих правил» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986). М., 1987.

применении ст. 109 ГК РСФСР о безвозмездном изъятии самовольно построенного дома»¹¹ была четко определена деликтная природа самовольной постройки, поскольку, как там указывалось, она существенно затрагивает интересы государства и граждан, препятствует рациональному использованию земли, сохранению окружающей природы, планировке, застройке и благоустройству населенных пунктов, представляет опасность в пожарном и санитарном отношении.

По Гражданскому кодексу РСФСР 1964 г. объектом самовольного строительства мог выступать только жилой дом (дача), а субъектом самовольного строительства — только гражданин (ст. 109). Хотя ряд подзаконных актов имел некоторые с ним противоречия. Так, например, в Инструкции о порядке регистрации строений в городах, рабочих, дачных и курортных поселках РСФСР, утвержденной Приказом Министерства коммунального хозяйства РСФСР от 21 февраля 1968 г. № 83¹², устанавливавшей порядок застройки в населенных пунктах и правовые последствия самовольного строительства в них, самовольные строения, возведенные гражданами и юридическими лицами, вовсе не разграничивались (§ 15, 16).

Правовые последствия самовольной постройки дома определялись нормами ст. 109, 110 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. К ним относились:

- невозможность распоряжения возведенной самовольной постройкой;
- снос дома (дачи) или части дома (дачи);
- безвозмездное изъятие у гражданина жилого дома (дачи) или части дома (дачи) и лишение его и проживающих с ним лиц права пользования этим домом (дачей) с предоставлением другого жилого помещения для проживания или без такового;

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1975 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов при применении ст. 109 ГК РСФСР о безвозмездном изъятии самовольно построенного дома» (утр. силу в связи с изд. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 15) // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1975. № 6; 2007. № 7.

¹² Приказ Минкоммунхоза РСФСР от 21 февраля 1968 г. № 83 «Об утверждении Инструкции „О порядке регистрации строений в городах, рабочих, дачных и курортных поселках РСФСР“». Документ официально опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

— расторжение договора о предоставлении гражданину в бессрочное пользование земельного участка для строительства жилого дома или дачи вследствие совершения им неправомерных действий в отношении строений, возведенных на земельном участке.

Согласно ч. 2 ст. 109 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. снос самовольной постройки осуществлялся не по решению суда, а по решению исполнительного комитета районного, городского, районного в городе Совета народных депутатов. Суд мог только принять решение о безвозмездном изъятии и зачислении в фонд местного Совета народных депутатов самовольной постройки.

И. Мартыненко, комментируя такое положение дел, поясняет: «Исполком, установив факт самовольного строительства гражданином дома (дачи), принимал одно из трех решений: узаконить самовольное строительство, снести самовольно построенный дом или обратиться с иском в суд о безвозмездном изъятии и зачислении в коммунальную собственность самовольно построенного дома (дачи)»¹³.

Безвозмездное изъятие жилого дома (дачи) являлось санкцией за правонарушение. Поэтому оно должно было осуществляться при условии доказательства вины застройщика. Для выявления вины застройщика и безвозмездного изъятия дома (дачи) исполком был обязан обратиться в суд. В суде он должен был представить доказательства, подтверждающие основания предъявления требований о безвозмездном изъятии жилого дома (дачи) или части дома (дачи), в частности, то, что жилой дом построен без утвержденного проекта или с существенными отступлениями от него либо с грубыми нарушениями строительных норм и правил (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1977 г. № 5). В числе доказательств могли быть: заключения соответствующих отделов исполнительного комитета районного или городского Совета депутатов, заключение строительно-технической экспертизы, свидетельские показания и др.

В том случае, если суд находил, что допущенные застройщиком нарушения, включая грубые, могли быть устранены (например, строение могло быть приведено в соответ-

¹³ Мартыненко И. Правовые последствия самовольного строительства // Законодательство и экономика. 2000. № 7. С. 48.

ствие с утвержденным проектом), он откладывал судебное разбирательство дела. При устранении допущенных нарушений иск о безвозмездном изъятии самовольной застройки в виде дома (дачи) удовлетворению не подлежал.

Суд, установив, что нарушения не являются грубыми, с учетом других конкретных обстоятельств дела был вправе признать иск необоснованным. Это являлось основанием для правовой регистрации построенного дома.

Таким образом, анализ норм законодательства РСФСР и судебной практики советского периода наглядно демонстрирует понимание самовольной постройки не только как правонарушения, но и как способа приобретения права собственности на недвижимое имущество путем регистрации объекта недвижимости, несмотря на неоднородную судебную практику.

Законодательно иски граждан о признании права собственности на самовольную постройку и, соответственно, другие иски, например о ее разделе при разделе имущества супругов, не допускались (ч. 2 ст. 109 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.). На практике часто ликвидация самовольной постройки производилась административными методами путем сноса, что с точки зрения государства административно-командного типа указывало на отсутствие в данном вопросе спора о праве. Было возможным только обращение властных субъектов в суд с иском о безвозмездном изъятии самовольной постройки в государственную собственность или признании за государством права собствен-

ности на возведенный объект недвижимости.

Можно сказать, что судебная практика пошла дальше законодательства, фактически разрешив государственную регистрацию самовольных построек, при признании иском о безвозмездном изъятии самовольной застройки в виде всего жилого дома, дачи или их части необоснованными вследствие негрубого нарушения застройщиком норм.

Поэтому юридической практике советского периода были известны и факты узаконения самовольного строительства на праве государственной собственности, и факты сноса самовольной постройки за счет застройщика или исполкома, и факты безвозмездной передачи объектов самовольного строительства в фонд местных Советов. Органы исполнительной власти в последнем случае руководствовались не только нормами закона, но и актами судебной власти, в частности постановлениями Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1975 г. № 2 и от 25 февраля 1977 г. № 5.

Литература

1. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М.: Статут, 2008. 731 с.
2. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Статут, 2005. 461 с.
3. Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права. М.: КРАСНАЯ НОВЬ, Главполитпросвет, 1924. 136 с. // URL: <http://zakon.ru/Blogs/One/9723>
4. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010. 893 с.
5. Мартыненко И. Правовые последствия самовольного строительства // Законодательство и экономика. 2000. № 7. С. 48–51.

Транспортное налогообложение в России за последние 100 лет (1917–2017)

*Леликова Юлия Викторовна,
доцент кафедры финансового права и таможенной
деятельности Юридического института
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ),
кандидат юридических наук
lepeshine@mail.ru*

*Погодина Ирина Владимировна,
заведующий кафедрой финансового права и таможенной
деятельности Юридического института
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ),
кандидат юридических наук, доцент
irina.pogodina@mail.ru*

В статье дана ретроспектива налогообложения транспорта. Временной период исследования — 100 лет. Проведен анализ нормативных правовых актов, регулирующих платежи с владельцев транспортных средств. Обозначены некоторые проблемы, связанные с реализацией норм о транспортном налоге, иных платежах с владельцев транспортных средств. Сделан вывод о том, что обложение транспорта требует совершенствования. Обозначены некоторые возможные перспективы транспортного обложения.

Ключевые слова: транспортный налог, транспорт, платежи, дорожные фонды, шоссейные сборы.

Transport Taxation in Russia for the Last One Hundred Years (1917–2017)

*Lelikova Yuliya V.,
Assistant Professor of the Department of Financial Law and Customs
Activity of the Law Institute of the Federal State Budget-Funded Educational
Institution of Higher Education
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs (VISU),
Candidate of Legal Sciences*

*Pogodina Irina V.,
Head of the Department of Financial Law and Customs
Activity of the Law Institute of the Federal State Budget-Funded Educational
Institution of Higher Education
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs (VISU),
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

There is a retrospective view of transport taxation. Temporal period of research — one hundred years. The article provides an analysis of normative legal acts, regulating payments from vehicle owners. Attention is paid to some problems related to implementation of norms of transport tax rules and another payments from vehicle owners. The author concludes that transport taxation needs improvement. Some problems of transport taxation are determined.

Key words: a transport tax, transport, payments, travelling funds, highway fees.

В литературе отмечается, что исторические корни налогообложения транспорта

происходят от обложения имущества граждан как материально-овещественного до-

хода¹. Иными словами, средства передвижения стали объектом обложения позже, чем недвижимое имущество. Появление транспортного налога связывают с социальным расслоением, то есть презумировалось, что те, кто имел возможность приобрести транспортное средство, были способны и платить налог. Приобретение любого, даже простейшего транспортного средства требовало значительных денежных вложений и косвенно свидетельствовало о достатке его хозяина.

С XIX в. существовали шоссейные сборы, которые принято считать прообразом транспортного налога. Объектом налогообложения признавалось не само транспортное средство, а его использование в специальных условиях (при проезде по шоссе, облагаемом сбором)². Данный налог являлся косвенным.

В ходе реализации налоговых реформ начала XX в. в связи со сменой политического строя и с незначительностью шоссейных сборов в бюджете страны решено было отказаться от такого вида налога. Транспортные средства были обложены прямым налогом как имущество лиц.

Исследователи, изучающие историю транспортного налога, отмечают, что в СССР транспортный налог начал взиматься с начала 1920-х гг. Налогооблагаемым транспортом тогда являлись самодвижущиеся экипажи, лошади, велосипеды и пр. Сбор с транспорта являлся доходом местного бюджета³.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1942 г. «О местных налогах и сборах» подтвердил закрепление сбора с владельцев транспортных средств за местными бюджетами⁴.

Данный налог, как и в предыдущем веке, именовался сбором. Обосновывая правовую природу взимаемого сбора как пошлины (за выдачу номерных знаков), С.Д. Цыпкин указывал на связь транспортного налога

(сбора) с государственной регистрацией транспортного средства⁵. Такая позиция обоснована хотя бы тем, что деньги действительно уплачивались не регулярно, а разово и были обусловлены предоставлением государственной услуги.

Практика «ежегодного» (регулярного, периодического) взимания налога с владельцев транспортных средств ведет свое начало с 1981 г., когда был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О местных налогах и сборах»⁶. С этого времени платежи с владельцев транспортных средств приобрел все характерные черты, свойственные налогу. Уплачивался он ежегодно (при прохождении техосмотра) либо при (пере)регистрации транспортных средств. Из объекта (предмета) налогообложения были исключены лошади и другие животные, используемые для извоза.

В 1981 г. вышло Постановление Совмина РСФСР № 287 «О распределении населенных пунктов РСФСР по классам для взимания земельного налога и об установлении перечня городов, в которых налог с владельцев транспортных средств взимается по высшим ставкам»⁷. В перечень таких городов попали города — главы субъектов Федерации.

Для упорядочения налогообложения и для привлечения дополнительных средств в качестве доходов бюджетов Президиум Верховного Совета СССР в 1988 г. установил, что юридические и физические лица (в том числе иностранные), имеющие транспортные средства и механизмы на пневмоходу, ежегодно уплачивают налог с владельцев транспортных средств и других самоходных машин и механизмов. Налог не взимался с владельцев машин и механизмов на гусеничном ходу, а также зерноуборочных и специальных комбайнов с двигателями⁸. Налог с владельцев транспортных средств и других самоходных машин и механизмов вносился в доход союзного бюджета.

¹ Налоги и налогообложение: учеб. пособие / О.В. Качур. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2011. С. 311.

² См., напр.: Гинзбург Ю.В. Эволюция транспортного налога: от фискальной к экологической функции // Финансовое право. 2013. № 11. С. 27–31.

³ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 9 декабря 1921 г. «О местных денежных средствах» // СУ РСФСР. 1921. № 62. Ст. 446.

⁴ Первоначальный текст документа см.: Ведомости ВС СССР. 1942. № 13.

⁵ Цыпкин С.Д. Правовое регулирование местных налогов и сборов. М., 1958. С. 7–9.

⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1981 г. № 3819-Х «О местных налогах и сборах» // Ведомости ВС СССР. 1981. № 5. Ст. 121.

⁷ Свод законов РСФСР. 1988. Т. 5. С. 261.

⁸ Указ Президиума ВС СССР от 21.03.1988 № 8641-ХI «О налогообложении владельцев транспортных средств и других самоходных машин и механизмов» // СПС «КонсультантПлюс».

В 1991 г. был принят Закон РСФСР от 18.10.1991 № 1759-1 «О дорожных фондах в РСФСР»⁹. В данном законе в качестве источников образования дорожных фондов были определены: налоги на реализацию горюче-смазочных материалов; налог на пользователей автомобильных дорог; налог с владельцев транспортных средств; налог на приобретение автотранспортных средств (кроме приобретаемых гражданами в личное пользование легковых автомобилей); акцизы с продажи легковых автомобилей в личное пользование граждан. Впоследствии этот перечень постепенно сокращался.

Плательщиками налога на пользователей автомобильных дорог признавались юридические лица. В качестве объекта налогообложения выступал годовой оборот или объем производства продукции¹⁰.

Объектом обложения по налогу с владельцев транспортных средств выступали транспортные средства, а налоговой базой — мощность двигателя. Плательщиками налога выступали организации, предприниматели, граждане РФ, иностранные юридические лица и граждане, лица без гражданства, имеющие транспортные средства.

Налог на приобретение транспортных средств уплачивали покупатели при регистрации. При этом следует отметить, что автотранспортные средства, приобретенные для перепродажи, налогом не облагались (при наличии соответствующей лицензии на торговлю автомобилями). Налоговая база определялась как продажная цена автомобиля.

Все три описанных выше налога в соответствии с Законом РФ от 27.12.1991 № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» являлись федеральными налогами.

В первоначальной редакции Закона РФ от 09.12.1991 № 2003 «О налогах на имущество физических лиц» в качестве объекта налогообложения были выделены самолеты, вертолеты, теплоходы, яхты, катера, моторные лодки и другие водные и воздушные транспортные средства (за исключением весельных лодок). Согласно п. 2 ст. 3 Закона № 2003 ставки устанавливались

представительными органами местного самоуправления. При этом они не должны были превышать установленные законом предельные размеры ставок. Налог зачислялся в местный бюджет¹¹.

При совершенствовании имущественного налогообложения в 2002 г. был внесен ряд изменений в порядок налогообложения имущества лиц, которые повлекли сужение количества объектов налогообложения посредством исключения из него транспортных средств.

Появление понятия «транспортный налог» в налоговом законодательстве относят к 1993 г. Указом Президента РФ от 22.12.1993 № 2270 «О некоторых изменениях в налогообложении и во взаимоотношениях бюджетов различных уровней» был введен транспортный налог с юридических лиц (организации и предприятия, кроме учреждений бюджетной сферы) в размере 1 % от их фонда оплаты труда. Сумма налога подлежала включению в себестоимость продукции (работ, услуг). При этом средства от взимания данного налога направлялись в региональные бюджеты для финансовой поддержки и развития пассажирского автомобильного транспорта, городского электротранспорта, пригородного пассажирского железнодорожного транспорта.

Фонд оплаты труда облагался неоднократно (при налогообложении транспорта и при уплате страховых взносов). Налог назывался транспортным потому, что доходы от поступления данного налога шли на развитие региональной транспортной инфраструктуры. Название налога (транспортный) не отражало объект налогообложения.

Интересным с юридической точки зрения является введение в 1999 г. налога на отдельные виды транспортных средств, а именно на легковые автомобили с рабочим объемом двигателя свыше 2 500 куб. см, за исключением полноприводных автомобилей, произведенных на территории Российской Федерации, а также автомобилей, произведенных за 25 лет и более до дня уплаты налога¹². Фактически появлялось двойное

⁹ Первоначальный текст документа см.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1426.

¹⁰ Статья 5 ФЗ «О дорожных фондах в РФ», раздел II «Порядок исчисления и уплаты налога на пользователей автомобильных дорог» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Первоначальный текст документа см.: Российская газета. 1992. 14 февраля.

¹² Федеральный закон от 08.07.1999 № 141-ФЗ «О налоге на отдельные виды транспортных средств» // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3474 (утратил силу с 1 января 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

налогообложение владельцев транспортных средств.

Вопрос о двойном налогообложении был затронут в 2000 г. в Определении КС РФ по жалобам граждан М.П. Мазура, А.Ю. Демешина и А.Г. Пипия на нарушение их конституционных прав положениями указанного Федерального закона¹³.

Конституционный Суд РФ подошел к рассмотрению дела довольно формально. Было указано, что решение вопросов, сформулированных заявителями, не относится к ведению Суда и этот вопрос надлежит решить законодателю в процессе осуществляемой в Российской Федерации налоговой реформы.

Новым этапом в развитии налогообложения транспорта в России можно назвать принятие и введение в действие главы 28 «Транспортный налог» НК РФ. Транспортный налог, введенный в налоговую систему России в 2003 г., заменил налог с владельцев транспортных средств и налог на имущество физических лиц в части некоторых видов транспортных средств.

После введения в НК РФ соответствующей главы нормативные акты о транспортном налоге были введены в субъектах Федерации.

В объеме доходов региональных бюджетов транспортный налог занимает не главное место. Так, в структуре доходов бюджета Москвы в 2010–2015 гг. транспортный налог составлял около 1 %.

В настоящее время к платежам, которые связаны либо с владением, либо с использованием транспортных средств, относятся:

- транспортный налог;
- утилизационный сбор;
- акцизы;
- плата в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам транспортными средствами, имеющими разрешенную массу свыше 12 т;
- платежи за загрязнение окружающей среды.

Реформирование обложения транспорта продолжается. Вопрос стал особенно акту-

альным после вступления в силу 15 ноября 2015 г. нормативных правовых актов, регулирующих взимание платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 т.

Таким образом, согласно ранее действовавшему законодательству был предусмотрен ряд «транспортных» налогов, отличавшихся порядком налогообложения, объектами налогообложения, размерами ставок налогов, порядком исчисления и другими необходимыми элементами налогов. До введения в действие главы 28 «Транспортный налог» НК РФ методом проб и ошибок законодатель совершенствовал налоговое законодательство в части обложения транспорта.

Однако и современный транспортный налог требует дальнейшего реформирования. Исследователи отмечают сложности в его администрировании, правовую неопределенность при его уплате¹⁴.

Реформа законодательства в сфере обложения транспорта еще не закончена. В последние годы все чаще звучит предложение о замене транспортного налога акцизом на бензин. Такая замена позволит собирать налог с автомобилей более понятным и справедливым способом, не допускающим превышения налогообложения граждан. Это поднимет стоимость бензина. Ожидается, что повышение цены будет не слишком значительное (до 1 рубля за литр). Включение «транспортного налога» в цену топлива существует во многих странах. Фактически реализуется принцип «платишь столько, сколько едешь».

Ожидается, что такое нововведение повысит плату за проезд в общественном транспорте, но снизит количество машин на дорогах, а значит уменьшит плотность потока, пробки и в конечном счете разрушение дорог. В литературе предлагается предоставлять топливо для общественного транспорта по специальным ценам¹⁵.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 № 161-О «По жалобам граждан Мазура Михаила Петровича, Демешина Анатолия Юрьевича и Пипия Александра Георгиевича на нарушение их конституционных прав положениями Федерального закона „О налоге на отдельные виды транспортных средств“» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Блохин А.Е. Целесообразность взимания и перспективы дальнейшего развития транспортного налога в России // Российское предпринимательство. 2011. № 9. С. 35–40.

¹⁵ Бабичева В.А. Транспортный налог: проблемы и пути решения // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 4. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/04/5039> (дата обращения: 12.04.2016).

Государственная администрация поддерживает идею отмены транспортного налога (а фактически замену ее на акциз). В 2013 г. В. Путин высказывался в поддержку отмены транспортного налога¹⁶. Проект закона об отмене транспортного налога подготовил и внес в Госдуму в 2015 г. глава фракции «Справедливая Россия» С. Миронов. Предлагалось исключить из Налогового кодекса РФ само понятие «транспортный налог».

¹⁶ Эсеры внесли в Госдуму законопроект об отмене транспортного налога. 29.04.2015 г. // URL: <http://www.zr.ru/content/news/781325-esery-vnesli-v-gosdumu-zakonoproekt-ob-otmene-transportnogo-naloga/> (дата обращения: 01.05.2016).

Литература

1. Гинзбург Ю.В. Эволюция транспортного налога: от фискальной к экологической функции // Финансовое право. 2013. № 11. С. 27–31;
2. Землянская Н.И. Правовые проблемы использования транспортного налога в финансировании дорожной деятельности в России // Налоги. 2014. № 1. С. 22–25;
3. Копин Д. Будущее транспортного налога, или Страсти по «Платону» // Налоги. 2016. № 1. С. 15–20.
4. Москальчук А.Н. Становление и развитие транспортного налога в современной России // Административное право и процесс. 2012. № 12. С. 72–73.
5. Сибиряткина И.В., Травникова В.В. Транспортный налог — перспективы развития регионального законодательства. Воронеж: ВРЛА, 2014.
6. Цыпкин С.Д. Правовое регулирование местных налогов и сборов. М., 1958. С. 7–9.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ
ГРУППА**

(4842) 70-03-37

буклеты • визитки • листовки • постеры
календари • журналы • книги • брошюры